

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

**АЛЬМАНАХЪ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА**

ІЕРОМОНАХЪ ЯДАНАСІЙ

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

(КО ДНЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. М. ЧЕРНАГО и В. В. ЗѢНЬКОВСКАГО

ИЗДАНИЕ
РЕЛИГИОЗНО - ПЕДАГОГИЧЕСКАГО КАБИНЕТА
и «YMCA PRESS»
Paris 1928

Printed in France.

**
*

Древняя обитель супротивъ луны
На лѣсистомъ взгорьи, надъ рѣчными водами,
Блѣдносиневатый мѣлъ ея стѣны,
Мраморъ неба, бѣлый, съ синими разводами.

А на этомъ небѣ, въ этихъ облакахъ,
Глубину небесную въ черноту сгущающихъ, —
Храмы въ златоверхихъ мелкихъ шишакахъ,
Райскою красою за стѣной мерцающихъ.

ПЛОТЫ

Съ востока дуетъ холодомъ, чернѣетъ зыбь рѣки
Напротивъ солнца низкаго и плещетъ на пески.

Проходитъ зелень блѣдная, на отмеляхъ кусты,
А ей навстрѣчу — желтые сосновые плоты.

А на плотяхъ, что движутся съ громадою рѣки
Напротивъ зыби плещущей, орутъ плотовщики,

Мужицкимъ пахнетъ варевомъ, костры въ дыму трещать —
И рдѣетъ краснымъ заревомъ на холодѣ закатъ.

МОЛОДОСТЬ

Въ сухомъ лѣсу стрѣляетъ длинный кнутъ,
Въ кустарникѣ трещать коровы,
И синіе подснежники цвѣтутъ,
И подъ ногою листь шуршитъ дубовый.

И ходять дождевыя облака,
И свѣжимъ вѣтромъ въ сѣромъ полѣ дуетъ,
И сердце въ тайной радости тоскуетъ,
Что жизнь, какъ степь, пуста и велика.

Ив. Бунинъ.

ЗАВІРАЙКА

(Разсказъ)

Это было не только до эмиграціи, но даже до революціи, даже еще года за четыре до великой войны; право, мнѣ иногда кажется, что случилась эта исторія лѣтъ сто или двѣсти назадъ.

Я тогда зарылся на всю зиму въ Новгородскую лѣсную глушь въ запущенное барское имѣніе «Даниловское». Въ моемъ распоряженіи былъ старинный деревянный домъ въ два этажа и въ четырнадцать большихъ комнатъ. Отопить его весь — нечего было и думать, хотя дрова были свои, и — въ любомъ количествѣ. Поэтому топилъ я ежедневно только одну комнату, самую изъ нихъ малую, въ которой жилъ, работалъ и спалъ, топилъ ее собственноручно, также, какъ самъ и подметалъ ее и ставилъ себѣ самоваръ, и оттаявалъ воду для умыванія. Никто изъ сосѣдняго крестьянства не соглашался идти ко мнѣ для услугъ, или на кухню: ни бабы, ни мужики, ни парнишки, хотя у меня съ деревенскими и были прекрасныя отношенія, хотя крестьянство здѣсь и считалось бѣдноватымъ, хотя я и сулилъ за пушашную службу царскую плату, подумайте: цѣлыхъ три рубля въ мѣсяцъ.

Обѣгали вовсе не меня, а именно, тотъ большой старый сѣрый, съ бѣлыми колоннами домъ, въ которомъ я жилъ. Во всѣхъ сосѣдскихъ деревняхъ: въ Трестенкѣ, Бородинѣ, Никифоровѣ, Осиновкѣ, Высотинѣ, Свистунахъ, да пожалуй, во всемъ Устюженскомъ уѣздѣ, каждый мужикъ твердо зналъ и крѣпко вѣрилъ, что въ Даниловскомъ домѣ на чердакѣ находится черный гробъ, а въ гробѣ этомъ лежитъ огромная страшная мертвая нога, и что по ночамъ нога эта ходитъ по всему дому и горько плачетъ, взывая о погребеніи.

Сколь эти рассказы ни казались вздорными, однако, — странно сказать: въ нихъ была доля истины. Однажды, роясь на чердакъ, среди пыльнаго вѣкового мусора, я наткнулся на солидный черный ящикъ съ застѣжками, формою похожій не то на футляръ для какого то музыкальнаго инструмента, а то пожалуй и на гробъ. Я открылъ его. Въ немъ дѣйствительно, лежала нога, но вовсе не мертвая, а искусственная прекрасно сработанная, со ступней, все какъ слѣдуетъ, и обтянутая превосходной толстой голландской замшей. Тутъ же я нашелъ и костыль къ ней. Судя по размѣрамъ этихъ вещей, я убѣдился, что ими пользовался когда то человѣкъ большого, на рѣдкость роста. Позднѣе я даже узналъ, кому изъ героевъ войны 1812-го года она служила при жизни.

Какъ бы то ни было, благодаря «Мертвой Ногѣ» я въ этомъ огромномъ домѣ былъ осужденъ на одиночество, въ условіяхъ Робинзона до его встрѣчи съ Пятницей. За то я смѣло могъ бы держать всѣ двери въ домѣ раскрытыми настежь, если бы, конечно, не глубокая зима и не пронзительные вѣтры, которые и, безъ того, гуляли по двумъ этажамъ и по чердаку ветхаго столѣтняго дома, воя въ трубахъ, визжа въ щеляхъ, свистя въ дырявыхъ рамахъ. Признаюсь, порою, по ночамъ, и мнѣ становилось жутковато...

Кромѣ меня обиталъ въ усадьбѣ черезъ дворъ отъ меня въ маленькомъ низенькомъ флигелькѣ управляющій, Араповъ, тамъ же ютилась экономка, она же и стряпуха, престарѣлая Елена Степановна: да еще по утрамъ рубилъ дрова, крикая и кашляя, какой то дѣдушка Иванъ; гдѣ онъ ночевалъ не знаю: похожъ онъ былъ на рождественскаго дѣда-Мороза.

Араповъ ко мнѣ по вечерамъ никогда не заглядывалъ. Онъ тоже слышалъ о «Ногѣ». Его боязливость меня удивляла: былъ онъ раньше во время японской войны храбрымъ матросомъ, принималъ участіе въ Цусимскомъ боѣ, спасалъ свою жизнь вплавь, послѣ того, какъ корабль взорвали, и былъ выловленъ изъ воды японцами, взявшими его въ плѣнъ.

Я у него обѣдалъ и ужиналъ. Днемъ онъ иногда забѣгалъ ко мнѣ — у меня находился складъ пороха, дроби, шомполовъ, пистоновъ и разныхъ машинокъ для снаряженія патроновъ. Но онъ очень бывалъ недоволенъ, когда я предлагалъ ему лично удостовѣриться въ томъ, что въ черномъ ящикѣ лежитъ обыкновенное издѣліе рукъ человѣческихъ изъ дерева и замши. Онъ каждый разъ отворачивался, отмахивался, трясъ головой и кричалъ:

— Умоляю васъ, умоляю, не надо!.. Видѣть не могу мертвецовъ!.. — Ничего я съ нимъ не могъ подѣлать.

Но былъ Араповъ страстнымъ охотникомъ и, что еще важнѣе, хорошимъ товарищемъ на охотѣ. А охотиться мы стали не только для удовольствія, но и по нуждѣ. Ежедневная каша съ пустыми щами и солонина надоѣли. Мяса негдѣ было доставать. Между тѣмъ, всякому извѣстно, что заяцъ, прошипованный саломъ и чеснокомъ, да сжаренный въ сметанѣ, представляетъ собою вовсе недурное блюдо. Счастье наше было, что мужики зайца не ѣдятъ, считаютъ его дикой кошкой и вѣрують, что взять онъ былъ Ноемъ въ ковчегъ, въ качествѣ одной изъ нечистыхъ паръ. Иначе зайцы давно бы перевелись на Руси.

Я пріѣхалъ въ Даниловское позднею осенью, въ ту пору, когда въ лѣсахъ опавшій листъ уже слежался на тропинкахъ и почернѣлъ. Охота, въ такое время называется охотою по ч е р н о т р о п у, весьма интересна. Но — бѣда! — собакъ въ Даниловскомъ совсѣмъ не было, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ негодныхъ дворнягъ и дворняжекъ, которыми такъ богата бывала каждая русская усадьба. Ыдучи въ «Даниловское» (уже не въ первый разъ) я надѣялся достать хоть неважнаго выжлеца, хоть плохонькую выжловку у Александра Семеновича Трусова, у этого «Великаго Охотника», у этого «Длиннаго Карабина», «Кожанаго Чулка» и «Слѣдопыта», у этого кротчайшаго изъ людей, который убилъ въ своей жизни 64 медвѣдя, десятки рысей и лосей, сотни волковъ и лисъ и тысячи зайцевъ. Но еще въ Вѣсьегонскѣ узналъ я отъ ямщика, Сергѣя Пят-

нышкова, что волею Божьей Александръ Семеновичъ скончался въ прошломъ маѣ, а огорченная вдова всю его знаменитую охоту распродала, чтобы не тревожить сердца видомъ бывшихъ мужниныхъ воспитанниковъ и любимцевъ.

Что за охота безъ гончей? Да, я знаю, есть любители «т р о п и т ь» зайца. Найдутъ свѣжій его слѣдъ на снѣгу: двѣ лапки рядомъ, двѣ лапки одна за другой, и идутъ по слѣду, какъ по тропкѣ, пока не найдутъ лежачаго и не застрѣлятъ его. Вѣдь онъ бѣгаетъ только ночью, а весь день лежитъ. Но такъ охотятся —извините за выраженіе — шкурятники. У нихъ много терпѣнія, но вдохновенія и поэзіи ни на грошъ.

Вотъ мы съ Араповымъ и мечтали все о выжлецѣ. И какъ съ кѣмъ встрѣтимся, или кто въ «Даниловское наѣдетъ, непременно кланчимъ: «можетъ о гончей собачкѣ гдѣ прослышите, такъ постарайтесь, душенька, для насъ. И мы вамъ, когда понадобится, за услугу услугой, не считая того, что зайчишекъ вамъ будемъ при всякой оказіи посылать».

Провинція, уѣздъ, деревня — это особая страна: тамъ мельчайшіе слухи и вѣсти растекаются во всѣ стороны не хуже радіо-телеграфа. Уже осень стала совсѣмъ холодной, густой по утрамъ иней серебрилъ поля и пудрилъ деревья, и морозъ тонкимъ ледянымъ лакомъ затягивалъ морщинистые пруды. Наконецъ, однажды ночью пошелъ снѣгъ и проснувшись, мы увидѣли изъ оконъ бѣлую зиму. Первая пороша! Какъ дрожатъ охотничьи сердца при звукахъ этихъ двухъ словъ!

Въ эту же первую порошу, какъ разъ и случилось чудо. Къ обѣденному времени заѣхалъ въ «Даниловское» изъ деревни Круглицы (10 верстъ отъ насъ) Круглицкій почтъ-директоръ, онъ же почтмейстеръ, онъ же единственный чиновникъ и единственный почтальонъ почтоваго отдѣленія, козлобородый, длинный, и многолѣтний Головановъ. У меня, по тѣмъ соннымъ мѣстамъ и временамъ была невидано большая корреспонденція. Поэтому Головановъ, вмѣсто того, чтобы по тамошнему обычаю посылать мнѣ почту съ любимъ попутнымъ

ямщикомъ, предпочиталъ привозить ее лично. Впрочемъ, можетъ быть, были и другія причины такой любезности.

Онъ по скромности долго отпѣкивался, но, все таки, мы усадили его за столъ, разогрѣли солонину, нашелся кусокъ старой желѣзной колбасы, графинчикъ водки и бутылка пива. Тутъ то, придя въ радужное настроеніе, почтъ-директоръ хлопнулъ себя по колѣнамъ и воскликнулъ:

— Да! Чтобы не забыть! Говорятъ, вы для охоты собачку приискиваете? Такъ вотъ, у насъ въ Козлахъ, на выселкахъ живетъ вдовая женщина, вродѣ, какъ однодворка, и у нея имѣется довольно ладный кобелекъ, гончакъ, годовъ двухъ, не болѣ. Это отъ самого покойнаго Александра Семеныча ей подарокъ, щенкомъ еще выпросила. Теперь на чѣпѣ онъ сидитъ. Она, можетъ, и согласится продать? Попробуйте. Если хотите, я съ ней поговорю? А то поѣдемте сейчасъ со мною.

Мы попили чайку и поѣхали на головановской двухколесной трясучкѣ. Ъзды всего было полтора часа до крошечной усадѣбки, стоявшей сбоку деревни какъ бы на отлетѣ. Мы вѣхали въ широкій чистый дворъ. Тамъ, у столба, привязанный на длинной цѣпи, метался и отчаянно лаялъ отличный гончій песъ, блестяще черный, съ густо-рыжими подпалинами, рослый и широкогрудый. Я никогда не похвастанюсь, что подойду къ любой цѣпной собакѣ. Но если, по одному взгляду и по звуку голоса, я опредѣляю, что лаетъ песъ умный, необозленный и незабитый, то иду безъ всякаго колебанія. Въ этихъ случаяхъ надо только не забыть, что протягивая собакѣ руку, слѣдуетъ держать ее вверхъ ладонью, притомъ широко открытой, чтобы собака убѣдилась, что камня въ ней не спрятано.

Старая женщина, вышедшая на крыльцо, крикнула:

— Ты поберегись, кормилецъ! Онъ тебя загрызетъ.

Но собака не тронула меня. Обнюхала руку и, туго натянувъ цѣпь, уперлась мнѣ въ грудь мускулистыми передними лапами. Кусокъ солонины, который я предусмотрительно взялъ съ собою, былъ принятъ благосклонно и проглоченъ мгновенно.

но, а хвостъ выразилъ самую размашистую признательность. И тутъ то я обратилъ вниманіе на глаза этой собаки. Они были ярко-рыжаго цвѣта, живые и серьезные. Ихъ взглядъ былъ твердъ, довѣрчивъ и проникателенъ, безъ малѣйшаго оттѣнка угодливости. Они не бѣгали, не моргали, не прятались. Казалось, они настойчиво спрашивали меня: Зачѣмъ я живу здѣсь, посаженный на цѣпь? Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? Вѣдь не со зломъ? Такъ умѣютъ смотрѣть лишь лохматая пастушьи собаки въ горахъ.

Зачѣмъ я познакомился съ хозяйкой, Анной Ивановной. Узнавъ, что я хочу купить пса, она раскудаhtалась. «Ахъ, да какъ же это! Ахъ, да я не знаю. Ужъ больно песъ-то хорошъ. Завирайка-то. Такимъ псамъ цѣны нѣтъ, если на охотника. Вѣдь, изъ Трусовской псарни собачка, самого Александра Семеныча. Порода-то какая»... Потомъ сдѣлала скорбное лицо, помолчала, вздохнула и спросила съ сомнѣніемъ:

— Трешницу не дадите?

Три рубля я охотно далъ. Предлагала она еще и цѣпь за одинъ рубль. Отъ цѣпи я отказался. Но изъ вѣжливости набавилъ этотъ рубль за старый, никуда не нужный ошейникъ. Тутъ вдова сразу повеселѣла и не хотѣла меня отпустить безъ того, чтобы я не испробовалъ ея домашняго пива. Пришлось выпить съ нею ковшикъ густой, какъ кисель, солодовой бурды, помянувъ добрымъ словомъ память покойнаго «Великаго Охотника» Трусова. Разстались мы пріятелями. «Если тебѣ собака не на цѣпь, а для охоты, то лучшаго кобеля не найти нигдѣ».

Я пошелъ домой пѣшкомъ, ведя Завирая на веревкѣ. Но онъ шелъ со мной такъ послушно, охотно и весело, что я спустилъ его на свободу. Онъ съ явнымъ наслажденіемъ бѣжалъ впереди, роясь носомъ въ молодомъ снѣгу, спугивая съ дороги воробьевъ. Но стоило мнѣ свиснуть, или окликнуть его по имени — онъ тотчасъ же останавливался и поворачивался ко мнѣ поднятой кверху мордой съ внимательными яркими гла-

зами. Я махаль рукой, говорилъ «Иди», и онъ опять пускался впередъ. Что за чудесный песь! — ликовалъ я.

Но въ воротахъ я принужденъ былъ снова взять его на веревку, потому что со всѣхъ концовъ усадьбы сбѣгалось все собачье населеніе: и Патрашка, и Жучка, и Султанъ, и Рябчикъ, и Кадошка, и Барбоска, и Чирипчикъ, и Сѣрко, и — кладбищенскаго сторожа, — Чубарикъ, помѣсь таксы съ борзой. У собакъ есть рыцарское правило: собаку лежащую, или на привязи не трогаютъ. Однако, лай и руготню даниловскія собаченки подняли ужасающую. Завирайка прижимался ко мнѣ бокомъ, нервно приподымалъ верхнюю губу, показывалъ изъ нея бѣлый огромный клыкъ и, оборачиваясь на меня, ясно говорилъ выразительными глазами. «А что? Не задать ли имъ трепку?»

Араповъ былъ въ восторгѣ. Ему только не понравилось простонародное имя — Завирай. «Гораздо лучше бы — говорилъ онъ, — назвать его Милордомъ, или Фиделемъ, или Жужой». Дѣло въ томъ, что онъ состоялъ подписчикомъ «Петербургскаго Листка» и больше всего на свѣтѣ обожалъ великосвѣтскіе романы княгини Бебутовой. Но я не уступилъ.

За то мнѣ пришлось уступить ему въ другомъ. Я уже, глядя на Завирайку, лакомился мыслью, что нашелъ въ немъ для моего Робинзона житья въ четырнадцати нежилыхъ комнатахъ, своего Пятницу. Однако, Араповъ правильно указалъ на то, что, во-первыхъ, гончую собаку трудно приучить къ комнатной опрятности, а во-вторыхъ, что въ теплѣ собака изнѣживается, теряетъ чутье и на охотѣ легко простуживается. Мы рѣшили постелить для Завирая сѣна подъ навѣсомъ у кухни. Впослѣдствіи, когда зима установилась прочно и настали холода, мы сдѣлали изъ снѣга большой трехсторонній валъ, примкнувъ его къ стѣнѣ флигеля и оставивъ узенькій входъ. Сверху мы покрыли это сооруженіе крышей изъ соломы. Конечно, со временемъ, всѣ усадебные псы устроили въ этомъ домикѣ, подъ покровительствомъ Завирая, общую, уютную спальню, и чувствовали въ ней себя превосходно. Бывало, въ жестокой мо-

розъ, вечеромъ, просунешь руку внутрь, сквозь солому, и, просто прелестъ, какая тамъ бывала живая густая теплота. Однимъ словомъ, — собачій рай.

Въ тотъ день намъ не пришлось охотиться: день стоялъ теплый, и снѣгъ раскисъ, а на завтра хватилъ холодокъ, сдѣлась гололедица. Потомъ пошли метели. Все невезло намъ съ погодами.

Дней черезъ десять повалилъ, наконецъ, тихій крупный мохнатый снѣгъ. Изъ-за его сплошной сѣтки не стало видно, ни деревень, ни лѣса. Шелъ онъ цѣлый день и къ вечеру вдругъ пересталъ, точно улегся спать въ глубокой тишинѣ, неподвижности и тьмѣ.

Утромъ, чуть свѣтъ, мы вышли въ поле. Былъ легкій холодокъ. Солнце взошло, точно праздничное. Отъ него снѣгъ казался розовымъ, а тѣни деревьевъ нѣжно голубыми. Заячьихъ слѣдовъ было великое множество, а вокругъ стоговъ снѣгъ прочно былъ притоптанъ лапками «жировавшихъ» ночью зайцевъ.

Но Завирайка... Завирайка совсѣмъ огорчилъ насъ. Напрасно мы наводили его на самые свѣжіе, еще казавшіеся теплыми слѣды, тщетно мы его тыкали въ нихъ носомъ указывали руками направленіе, уговаривали и умоляли его. Онъ глядѣлъ высоко поднявъ голову, то на меня, то на Арапова и говорилъ настойчивымъ взоромъ: «Я готовъ слушаться, но объясните цѣль. Зачѣмъ?»

Такъ промучились мы съ нимъ три дня. Говорилъ иногда Араповъ: «Запустить бы ему зарядъ картечи подъ лѣвую лопатку. Да, жаль, онъ и патрона не стоитъ.. Вообще никуда не годный песь». Но, — вралъ впопыхахъ, со злости. Внѣ охоты относился къ собакѣ заботливо.

А на четвертый день вотъ что произошло.

Только вышли мы изъ усадьбы на малую горушку, гдѣ начинались крестьянскіе выгоны, какъ Завирай остановился и началъ нюхать снѣгъ, яростно болтая хвостомъ. Помню, Ара-

повъ сказалъ: «Должно быть, дуракъ, мышъ земляную почу-
ялъ». Но въ ту же секунду изъ снѣга выскочилъ столбомъ ог-
ромный палевый русакъ и помчался впередъ, точно бѣшенный.
Врядъ ли за нимъ угналась бы и борзая собака.

Завирай былъ великолѣпенъ.

Онъ не растерялся, не замаялся, не потерялъ ни одного
мгновенія: онъ въ ту же секунду бросился за русакомъ, и ско-
ро мы потеряли его изъ вида. Еще прошла минута — мы услы-
хали его голосъ... Знаете, какъ гончая лаетъ, идя за зайцемъ.

Она, бѣдная, все жалуется: Ай, ой, ай! Батюшки, меня оби-
жаютъ! Что мнѣ, ай, ай, бѣдной дѣлать? Ай, ай, ай!.. Слыш-
но было, что Завирайкины лай повернуть направо. Тутъ была
рука Арапова, и онъ началъ, изготавивъ ружье, потихоньку
продвигаться вправо. Гонъ Завирайки становился все тише, по-
чти умолкъ, но вдругъ едва слышно возобновился и сразу
сталъ слышнымъ и яростнымъ.

Я стоялъ со стороны и мнѣ все было слышно и видно. Я ви-
дѣлъ, какъ Араповъ прицѣлился. Потомъ изъ кустовъ выска-
чилъ свѣтло-бурый заяцъ. Тотчасъ же бѣлый дымокъ вырвал-
ся изъ араповскаго ружья и одновременно съ нимъ заяцъ пе-
рекувыркнулся черезъ голову и легъ въ снѣгъ. Потомъ раздал-
ся слабый — пукъ! — это былъ выстрѣлъ. И потомъ уже изъ
кустовъ вырвался громко плачущій Завирай.

Онъ съ разбѣга ткнулся въ заячье тѣло и тутъ же присѣлъ
на задъ. Когда мы подошли къ нему онъ представлялъ комиче-
ски-печальное зрѣлище: наморщенная морда опущена внизъ,
уши висятъ, общій видъ скорбный — ну ни дать, ни взять, ли-
цемерная вдова. Но когда я ему бросилъ заячью лапку, тотъ
самый суставъ, который дамы употребляютъ для румянъ, — онъ
поймалъ ее на лету, сочно хрустнулъ ею и мгновенно прогло-
тилъ. И съ этого момента онъ сдѣлался первокласснымъ гон-
чимъ псомъ. Въ то же утро онъ безъ всякихъ нашихъ намековъ
и указаній сталъ самъ разыскивать заячьи слѣды, гналъ зайцевъ
чутко и безошибочно; и съ охотничьей страстью умѣлъ соеди-

нять хладнокровный расчетъ. Онъ выгналъ на насъ въ этотъ день еще четырехъ зайцевъ; одного изъ нихъ во второй разъ положилъ Араповъ, другого я. И надъ каждымъ изъ нихъ онъ неизмѣнно (какъ и всегда потомъ) устраивалъ фигуру грустной вдовы... Вскорѣ онъ сталъ знаменитостью на весь уѣздъ, но слава не испортила его кроткаго и чистаго характера.

**
*

Сейчасъ у меня ограничено мѣсто для писанія. Но когда нибудь я расскажу объ одномъ случаѣ, въ которомъ Завирай проявилъ такую преданную дружбу, такую силу доброй воли, и такую сообразительность, какія и среднему человѣку сдѣлали бы большую честь.

А. Купринъ.

« НАПОЛЕОНЪ »

— рассказъ моего пріятеля —

Были Святки. Мой закадычный другъ Васька, съ нашего двора, давно подбивалъ меня побывать въ балаганахъ «подъ Дѣвичьимъ».

— Огромное мѣсто тамъ, пустое... — рассказывалъ онъ мнѣ съ жаромъ, — и все тамъ балаганы, и черти выскакиваютъ, и пушки грохаютъ... вотъ ей-Богу!

И дворникъ нашъ тоже побожился, что «бываетъ, что и чертей показываютъ... всякіе тамъ кеатры!».

Меня выпустили гулять на дворъ, и я ускользнулъ съ Васькой «подъ Дѣвичье». Было у меня всего двугривенный. Мы его размѣняли по дорогѣ на стрючки и сахарныхъ пѣтушковъ, а когда добѣжали до гулянья, Васька взманилъ меня прокатиться на карусели, общая взять какую-то «партію» въ шесть колецъ: тогда насъ будутъ катать задаромъ хоть цѣлый день. Я отдалъ послѣдній гривенникъ, Васька взялъ «партію», прокатился разъ пять задаромъ, и его, наконецъ, стащили съ конька за шиворотъ.

— Жулики! — обругался онъ. — Не хочется только городского звать... А въ балаганъ подъ доски пролѣземъ... мнѣ все извѣстно!

Высокіе балаганы заманчиво бѣлѣли свѣжими досками, пестрѣли щелкавшими по вѣтру флагами. Весело зазывалъ колоколъ, парни сипло орали на морозъ:

— Пра-воррнѣй, пра-воррнѣй!.. Не теряйте врремя да-ррромъ!..

Мы протискались къ высокому балагану съ раскрашеннымъ

балкономъ. По балкону ходилъ какой то въ зеленомъ балахонѣ и оралъ хриплымъ голосомъ:

— Къ началу, къ началу, щипать мочалу! Сейчасъ самъ господинъ Наполеонъ будетъ палить изъ пушки... по ста-рушкѣ! Эй, городской, начнемъ Бородинскій бой!.. Гренадеръ-военный, у тебя шагъ здоровенный... шагай — не бойся, только въ баню сходи-помойся, а то у насъ все господа за грошъ, а на тебѣ грязь да вошь!..

Всѣ весело топтались, гоготали. Солдаты валили кучами, брали въ окошечкѣ билеты и пропадали за полотномъ, на которомъ были намазаны корабли, стрѣлявшія огнемъ пушки, бушующее море, откуда высывали морды зеленые крокодилы и огненные змѣи, стояла красная крѣпость на горѣ, усыпанная солдатами, и передъ ней, скрестивъ руки, — человекъ въ сѣромъ сюртукѣ и въ шляпѣ съ перомъ. Я подумалъ, что это, пожалуй, Наполеонъ и есть, который будетъ палить изъ пушки.

Васька пробовалъ проскользнуть съ солдатами, но его схватилъ парень въ красномъ плащѣ, съ золотымъ мечомъ, и столкнулъ со ступеньки въ снѣгъ. Тогда онъ повелъ меня кругомъ балагана, — поискать, нѣтъ ли дырки. Но дырки не было, и мы опять очутились передъ входомъ. Въ окошечкѣ торчала голова барыни въ лисьей шубѣ и зорко поглядывала на насъ. Иногда барыня высывалась, какъ собака изъ кануры, дергала въ колоколь и огрызалась:

— Если желаете въ спиктакли, платите деньги. Сенька, гони мальчишекъ!

Изъ-за моря со змѣями выскакивалъ красный парень и отгонялъ насъ мечомъ. А въ балаганѣ ужъ разъ выпалили изъ пушки. Васька уже предлагалъ подкопаться подъ стѣнку сзади, какъ вдругъ надо мной раздался веселый голосъ:

— А, и вы здѣсь, сударь?! Неужто одни ушли?..

И я увидалъ дядина приказчика. Онъ былъ въ синей чуйкѣ, въ новыхъ резиновыхъ калошахъ, и пощелкивалъ шпанскіе

орѣшки. У меня засосало сердце, что я убѣждалъ безъ спросу. Онъ, должно быть, замѣтилъ мое смущеніе.

— Ничего-съ, скажемъ, что со мной были. Угощайтесь... — протянулъ онъ орѣшковъ на ладони, — изволили любоваться на приставленіе кеатровъ?

— У него де-негъ нѣту... — плаксиво зашипѣлъ Васька.

— Связались вы, сударь, съ такимъ сопливымъ! — сказала дядинъ приказчикъ, даже и не взглянувъ на Ваську. — А зачѣмъ намъ съ вами платить деньги, ежели у насъ тутъ самый главный представитель, который папенькѣ стѣнки въ баняхъ расписывалъ! Да мы его сейчасъ встрепенемъ!..

Онъ подошелъ къ окошечку и важно закачалъ пальцемъ. Барыня что-то поморщилась и закричала злымъ голосомъ:

— Приходите въ самые спиктакли! Наполеона требуютъ!.. — крикнула она подъ занавѣску.

Дядинъ приказчикъ вынулъ серебряные часы и долго смотрѣлъ на нихъ. Потомъ погребѣлъ мелочью въ карманѣ.

— Наполеона, Василь Сергѣева... хозяйка кличетъ! — заоралъ кто-то за стѣною, и появился тотъ, который недавно ходилъ по балагану.

Онъ теперь былъ въ сѣрыхъ сапогахъ съ жестяными звѣздами, гдѣ шпоры, въ сѣромъ коленкоровомъ сюртукѣ съ огромными жестяными пуговицами и въ сѣрой картонной треуголкѣ. И лицо у него было сѣрое и до того худое, что выступали кости. Въ одной рукѣ онъ держалъ жестяную шпагу, въ другой... Но другой руки не было, а болтался пустой рукавъ.

Онъ метнулся, узнавъ приказчика; какъ будто растерялся.

— А мы къ вамъ-съ, для кеатровъ... — сказала дядинъ приказчикъ, тыкая меня въ башлычокъ. — Они, стало быть, сынокъ папеньки ихняго, стѣнки-то расписывали черезъ меня... и еще будете имѣть заказы! Удовлетворите ужъ такое ихнее любопытство... Желательно въ балаганъ, а они прокутили весь свой капиталъ!

— Да что вы-съ!.. — воскликнулъ сѣренькій человѣкъ и

протянулъ мнѣ руку, въ которой была шпага. Даже пошаркалъ звѣздами.

Я былъ изумленъ, польщенъ. Всѣ глазѣли на «самого главного», который сейчасъ будетъ палить изъ пушки, а онъ протягивалъ мнѣ руку и кланялся!

— Вы теперь, стало быть, самый главный Анаполеонъ и есть? — спрашивалъ дядинъ приказчикъ важно, пощелкивая орѣшками.

— Зима-съ... — поддернулъ Наполеонъ плечомъ. — Малярной работы нѣтъ, а тутъ все рублика два-три. Съ утра до ночи, спектаклей двадцать, и на морозѣ, и на балаганѣ орать надо... Вотъ и представляю.

— Дѣло хорошее. Ужъ вы устройте, убоготорите, при протехціи кеятровъ! — настаивалъ приказчикъ.

Наполеонъ сморщился и покашлялъ въ руку. Поглядѣлъ на барыню въ ящикѣ и опять покашлялъ.

— Да съ удовольствіемъ, отчего же-съ... Трое васъ...

— Сопливый и безъ билета прошмыгнетъ! — толкнулъ дядинъ приказчикъ Ваську.

— Дя...динька... — захрипѣлъ Васька, цѣпляясь за мой тулупчикъ.

— Итти — такъ ужъ всѣмъ-съ! — сказалъ строго Наполеонъ и направился къ барынѣ.

Онъ что-то говорилъ ей, снялъ треуголку и постучалъ ею въ грудь; но та сидѣла, какъ каменная, поджавъ губы.

— Хорошо-съ... — сказалъ грустно Наполеонъ и махнулъ рукой. — Запишите. — И поманилъ насъ шпагой: — пожалуйста смотрите-съ!

— Первые мѣста если, рупь за троихъ!! — крикнула строго барыня.

— Ловко вамъ наше угощеніе влетѣло! — сказалъ дядинъ приказчикъ. — Зато изъ чести стараетесь, для протехціи! Вы теперь, стало быть, будто царь... царь Анаполеонъ!

— Да... — сказалъ уныло Наполеонъ. — Вотъ вчера про-

студился, всю грудь завалило, и голосъ потерялъ, сиплю... а для Наполеона, сами знаете, надо героемъ быть! И голосъ рѣзкій чтобы...

— Ничего, сойдетъ. Анаполеонъ у насъ померзъ... вотъ и выходить въ самый вы разъ... — сказалъ дядинъ приказчикъ, похлопывая по плечу Наполеона.

Сѣренькій человекъ посадилъ насъ на переднюю скамейку, гдѣ коптели въ деревянной канавкѣ лампы, и сказалъ, что сейчасъ начнется.

— Велить хозяинъ повеселѣй, для смѣху публики... — усмѣхнулся онъ, — ну, придется, знаете, ломаться! А развѣ такъ для Наполеона надо?! — показалось, сказалъ онъ мнѣ и даже ласково подморгнулъ. — Ну, я ужъ для смѣху выдумываю, сочиняю самъ!..

Онъ ушелъ. Занавѣсъ заколыхался, и заколыхались на немъ дворцы и тигры. Въ балаганѣ было, кажется, еще холоднѣе, чѣмъ снаружи, даже свистѣло въ щели. Сзади стучали ногами отъ мороза. Наконецъ, занавѣсъ поднялся, и я увидалъ городъ на горѣ, и по этой синей горѣ бѣлѣли клубочки дыма и лѣзли синіе турки въ красныхъ шапкахъ. Сверху сошвыривали ихъ штыками наши. На полу была навалена куча снѣга, самаго настоящаго, и онъ не таялъ. На кучѣ стояла табуретка и валялось нѣсколько березовыхъ полѣнцевъ.

— Стало быть, зима, и Анаполеонъ будетъ замерзать! — сказалъ мнѣ дядинъ приказчикъ, пощелкивая орѣшками.

— А помретъ? — спросилъ боязливо Васька.

— А ты не встрѣвайся, сопливый... сиди-гляди! — сказалъ строго приказчикъ, швыряя скорлупки въ снѣгъ. — Имъ бы вѣсть намость завалить надо, для вида лучше!

Вышелъ Наполеонъ, опустивъ голову на грудь. Дошелъ до лампы, и стало видно, какъ изо рта его вырывался паръ. Видно по всему было, что ему очень плохо.

— Ахъ, какой ужасный русскій морозъ! — прохрипѣлъ онъ,

грѣя дыханьемъ руку. — Сегодня, должно быть, сто градусовъ! Ужасно!!

Онъ грозно топнулъ, — прыгнули язычки въ лампахъ, — и сѣлъ на табуретку, разминая ногами скрипѣвшій снѣгъ. Рукавъ его сюртука мотался, постукивали ноги о табуретку, подрагивали плечи.

— Здорово прихватило?.. — кричали сзади.

— Ему теперь, прямо, бѣда... Анаполеону-то! — объяснялъ минѣ дядинъ приказчикъ, выплевывая скорлупки прямо Наполеону подъ ноги. — Некуда ему податься, какъ приперли! Одна табуретка ему осталась да полѣшки... тѣфу, тѣфу! — поплеывалъ онъ скорлупками. — Ну-ка, Василь Сергѣевъ... докажи себя! Повеселѣ!..

Наполеонъ поглядѣлъ на насъ и усмѣхнулся грустно. Опять подошелъ къ лампамъ и погрозилъ кулакомъ на публику.

— Не сдамся!.. Все... на банку!.. — крикнулъ онъ весело.

Такъ всѣ и загудѣли:

— Вѣрно! Съ морозу-то и на цѣлую бутылку можно!..

— Роковой часъ... пришелъ!.. — хрипнулъ Наполеонъ, и поперхнулся: забило его кашлемъ.

— До чего все вѣрно-съ! — вздохнулъ дядинъ приказчикъ. — Стало быть, лютый морозъ, и онъ, понятно, застудился. Ну, до чего все вѣрно!..

— Храбрые мои марша-лы-ы! — крикнулъ Наполеонъ, махая шпагой.

Появились парни въ красныхъ плащахъ, въ зеленыхъ штанахъ, въ золотыхъ сапогахъ и съ золотыми мечами, которыми они вразъ стукнули, какъ ружьями. На ихъ высокихъ шляпахъ торчало по гусиному крылу. Одинъ изъ нихъ только что гналъ насъ отъ балагана. Но теперь оба были чѣмъ-то испуганы и все глядѣли туда, откуда вышли. А оттуда выглядывала пушка. Наполеонъ потеръ себѣ грудь и крикнулъ шипящимъ голосомъ:

— Я побѣдилъ всѣ народы!..

Маршалы вытянули шеи и опять стукнули мечами.

— И вотъ, попалъ въ снѣга Россіи! Ужасно! Но, все равно. Я сжегъ всѣ корабли, и уже нѣтъ мнѣ возврата въ славное мое отечество!.. — выговорилъ Наполеонъ въ отчаяньи и стукнулъ кулакомъ въ грудь. — Нѣтъ, не сдамся! Ужли я долженъ покончить свои роковые дни на проклятыхъ русскихъ поляхъ, покрытыхъ снѣгомъ?!.. О, горькая моя судьба!..

И онъ опустилъ голову на грудь. Всѣ замерли. Дядинъ приказчикъ разгрызъ орѣхъ.

— Рѣшено и подписано! Сейчасъ начнется славный Бородинскій бой!..

— Ура! — гаркнули маршалы и опять стукнули мечами.

— Да это наши солдаты, изъ Хамовниковъ! — крикнулъ кто то за мною. — Съ первой роты, Перновскаго полку!.. Митюгинъ, жарь!..

— А зачѣмъ онъ сжегъ свои корабли? — спросилъ я дядина приказчика.

—Значить... такъ уже ему занадобилось. На дрова, можетъ, по случаю морозовъ... ужъ это ему извѣстно!

— Храбрые мои марша-лы-ы! — крикнулъ Наполеонъ.

Парни вытянулись, какъ по командѣ, и замаршировали плечо къ плечу. Потому и маршировали, что — маршалы?

— Зарядить всѣ пушки и орудія! — крикнулъ Наполеонъ и заходилъ, притопывая, чтобы согрѣться.

— Чего-жъ о н ъ дрова-то не зажигаетъ? — спросилъ Васька.

— Не умѣетъ... — усмѣхнулся дядинъ приказчикъ и хитро подмигнулъ мнѣ: — Полиція не дозволяетъ, по случаю пожара.

Маршалы отмаршировали за кулисы, откуда слышался барабанный бой и труба. Началось самое интересное. Наполеонъ подошелъ къ краю, погрѣлъ руку надъ лампой, — такъ всѣ и зашумѣли! — и прошепталъ:

— Чую, что не сдобровать! А, плевать!.. — крикнулъ онъ лихо, плюнулъ и даже растеръ ногой. — А напоследокъ выпью... рю-му!..

И ловко крякнулъ. Весь балаганъ такъ и загромыхалъ. Дядинъ приказчикъ даже всплеснулъ руками и затопалъ.

— Ну, до чего же вѣрно!..

Наполеонъ досталъ изъ кармана бутылочку и, подмигнувъ намъ, забулькалъ. Всѣ закричали — браво!

— Маленько обогрѣлся... — крякнулъ Наполеонъ, подмигивая. — Ухъ, русскіе морозы!

— Да, братъ, безъ ее пло-хо! — кричали сзади.

— А теперъ... въ страшный бой, и пусть судьба рѣшитъ!..

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ изъ-подъ его ногъ вырвался бѣлый дымъ, словно вытряхнули муку, и поднялось что-то въ бѣломъ, какъ привидѣніе.

— Кто ты... о, незнакомецъ? — крикнулъ Наполеонъ, махая шпагой.

Незнакомецъ отвѣтилъ загробнымъ голосомъ:

— Знай, несчастный, что русскіе непобѣдимы!

Ударили лихо трубы — «ахъ, вы, сѣни мои сѣни», — и весь балаганъ загремѣлъ ногами и заоралъ — браво!

Наполеонъ гордо откинулся и пырялъ въ воздухъ шпагой.

— Всѣ силы ада су-противъ меня! — хрипѣлъ онъ, — но я, — Наполеонъ, властитель міра и народовъ! Кто ты?..

— Я... — словно завывло привидѣніе, — конецъ твоему гордому ндраву! Слава твоя прошла!

И незнакомецъ провылъ, что Наполеонъ помретъ постыдной смертью середь моря-окіяна, на острову, и тогда увидить его опять, въ послѣдній разъ!

— Кто же ты?.. — кричалъ Наполеонъ, пыряя шпагой.

— Кто я-аааа?! — завылъ незнакомецъ ужаснымъ воемъ. — Я... смерррртъ твоя!..

Простыня распахнулась, и мы увидѣли черное, расписанное бѣлыми полосками, какъ скелетъ, а изъ-подъ пола выставилась сверкающая коса. Смерть подхватила косу и провела ею надъ головой Наполеона. Снизу задымилось и ѣдко запахло сѣрой.

Наполеонъ махнулъ шпагой, а смерть медленно пятилась и грозила косою. Наконецъ, ушла.

— Ха-ха-ха... — хохоталъ страшно Наполеонъ. — Смерть? Плевать! Маршалы, ко мнѣ! Начнемъ Бородинскій бой!

— Начнемъ!.. — гаркнули маршалы, словно на лошадей, и выкатили пушку.

— Пали! — скомандовалъ Наполеонъ.

Грохнуло, и все заволокло дымомъ. И такая пошла стрѣльба, что стало страшно. Наконецъ, затихло. Наполеонъ, кашля отъ дыма, махнулъ платочкомъ. Опять появились маршалы. Наполеонъ сѣлъ на пушку, а маршалы стали его разглядывать: не раненъ-ли?

— Ага! — крикнулъ Наполеонъ, — русскіе не сдаются? Въ такомъ случаѣ, идемъ прямо на Москву!

— Ура! — заорали маршалы и стукнули мечами.

Занавѣсъ опустился. Вышелъ кто-то въ хорьковой шубѣ и объявилъ, что завтра будетъ представлять бѣгство Наполеона изъ Москвы, русскія пляски-апофеозъ и дивертисментъ съ ножами и огнями — фо-кусы!

— Ай, Василь Сергѣичъ... какой представитель знаменитый! — сказалъ дядинъ приказчикъ. — Землякъ мой, всякія художества умѣетъ.

Когда мы выходили изъ балагана, насъ нагналъ Василій Сергѣичъ, уже въ зеленомъ балахонѣ.

— Посмѣялись, сударь? — ласково сказалъ онъ и погладилъ меня по башлычку. — Вотъ какъ на хлѣбъ да на квась-то зарабатываемъ!

И попросилъ дядина приказчика похлопотать для него работы.

— Найдется, опосля праздниковъ навѣдайся... — сказалъ дядинъ приказчикъ.

— Одному-то бы ничего, да братнины сироты при мнѣ...

— Для тебя отказу не будетъ. И сударь папашеньку попросить...

Когда мы пошли отъ балагана, по балкону ходила огромная черная голова, а бывший Наполеонъ колотилъ по ней палкой и кричалъ сильнымъ голосомъ:

— А вотъ дать сладкихъ сухарей, чтобы издохъ поскорѣй! Проворнѣй, проворнѣй... кха... кха... Ахъ, застрялъ въ глоткѣ возокъ льду... проворнѣй, проворнѣй... Наполеона представлять пойду!..

— Пропашій человѣкъ! — сказалъ дядинъ приказчикъ.

— Почему — пропашій?

— Пропадетъ. Въ больницу его надо, кровью плюетъ, а онъ вонъ на морозѣ ломается, оретъ. А зато людямъ весело!

Я оглянулся на балаганъ, на зеленого человѣка, что-то кричавшаго на народъ, приставивъ ко рту руку, и мнѣ стало чего-то грустно.

— Вотъ и получили удовольствіе, — говорилъ мнѣ дядинъ приказчикъ ласково, — и папашенькѣ скажете, что не одни были, а со мной... сводилъ васъ на представленіе кеятровъ, и денежекъ не платили-съ. И со мной-съ. Однимъ нехорошо въ черный народъ ходить-съ... слова разныя нехорошія и поступки-съ. Такъ и скажите-съ, что со мной, въ сохранности. Орѣшковъ-съ?..

Я все оглядывался. Вспоминалъ сѣрое лицо Наполеона и рукавъ его сюртука, и кашель. И флаги на пестрыхъ балаганахъ уже не манили меня веселымъ шелканьемъ.

— А вы чего это приуныли? — спрашивалъ дядинъ приказчикъ весело. — Васька-то вонъ какъ прыгаетъ! Безъ спросу ушли, что ли... боитесь, что трепка будетъ? А вы скажете, что со мной...

Пожалуй, и это меня тревожило. И было еще, другое.

Севръ, мартъ 1928 г.

Ив. Шмелевъ.

О С В О Б О Ж Д Е Н Н Ы Й

РУССКАЯ ЛЮБИМАЯ ЛЕГЕНДА

У царя Константина Мономаха былъ одинъ приближенный — Епифаній, человѣкъ правильной жизни и мудрый совѣтникъ. Онъ былъ очень богатый и извѣстенъ въ Константинополѣ: когда случалось какое-нибудь несправедливое дѣло, обращались къ Епифанію, и могли быть надежны: Епифаній всегда разсудитъ и заступится передъ царемъ.

Понадобился Епифанію человѣкъ по хозяйству, а это очень просто: неподалеку отъ Константиновскаго рынка Хлѣбная биржа, и тамъ русскіе купцы торгуютъ невольниками — большой выборъ. Епифаній взялъ своего любимаго отрока Андрея и поѣхалъ на Биржу: и который приглянется, того онъ и купить. Подходилъ праздникъ — Никольщина, невольниковъ выставлено, какъ елокъ передъ Рождествомъ, но сколько ни приглядывался Епифаній, никто ему не нравится.

Такъ и вернулся. И деньги, что бралъ съ собой на покупку человѣка, не въ шкапъ, какъ всегда кладетъ, а сунулъ куда-то тутъ же на столъ. Очень это утомительно выбирать человѣка, усталъ онъ, да и зря время провелъ, досадно: придется опять послѣ праздника! И весь вечеръ въ дѣлахъ — все изъ-за этой поѣздки.

На утро Епифаній послалъ за Андреемъ — его любимый отрокъ, съ нимъ онъ никогда не разставался и часто совѣтовался — надо сдѣлать распоряженіе по хозяйству: завтра Николинъ день. Да, кстати, о деньгахъ:

— Дай мнѣ деньги, — говоритъ, — которыя тебѣ вчера далъ.

— Вы мнѣ никакихъ денегъ не давали.

— Т. е., какъ не давалъ?!

Епифаній хорошо помнитъ: какъ вернулся вчера съ Биржи, къ шкапу онъ не притрагивался, ключей не трогалъ, денегъ въ шкапъ не клалъ и, стало быть, эти деньги у Андрея — больше вѣдь никому онъ не могъ дать.

Андрей испугался: очень это страшно, когда человѣкъ на тебя смотритъ и не вѣритъ.

Епифаній, сдерживаясь, сталъ его совѣстить: никому онъ такъ не довѣрялъ и про это хорошо знаетъ самъ Андрей, и какъ же такъ — за всю его любовь? ну, а ужъ если такъ вышло, лучше сознаться, мало ли что можетъ выйти — —

— Можетъ, вы куда положили и забыли?

— Я ничего не забываю! — вспыхнувъ, крикнулъ Епифаній, и, забывшись, ударилъ его по лицу, — лгунъ и воръ!

И крикъ и этотъ ударъ не только не отрезвили Епифанія, а еще крѣпче сжали его сердце — и глазъ его помутнѣлъ: и какіе невиннѣйшіе чистѣйшіе глаза у Андрея! да именно такъ и должна и глядѣть безстыдная ложь.

И онъ велѣлъ заковать Андрея и посадить въ подвалъ: сейчасъ ему некогда съ нимъ возиться — послѣ праздника разберетъ.

**
*

У всенощной Епифаній одинъ. А вѣдь сколько, и это всѣмъ извѣстно, всегда съ Андреемъ! Одинъ стоитъ онъ въ церкви и не можетъ понять, въ чемъ дѣло: какіе-то гласы поются не праздничные и читаютъ — не то читаютъ; надо провѣрить, что-нибудь такое случилось: почему это такъ тянутъ — такъ скучно?

Надо провѣрить, — переходитъ мыслью къ Андрею, — можетъ, и раньше за нимъ такое водилось? И вспоминаетъ три года, какъ Андрей поселился у него въ домъ — тоже купилъ его на Биржѣ у русскихъ, — и сразу ему понравился: такое бы-

ваетъ въ человѣкѣ, это какъ свѣтъ отъ человѣка, и не видишь глазами, а чувствуешь, и дышать легко и чего-то весело. Нѣтъ, ничего не припоминаетъ — чисто. Что же это его толкнуло? И не денегъ жалко, а что обманулъ: укралъ и лжетъ. «Воръ и лгунъ!» И это одно — «лжетъ» — «ложь» — загустѣвало на сердцѣ до краевъ чернымъ.

Черный вернулся Епифаній изъ церкви и какъ не изъ церкви, а изъ суда — его судили и вотъ приговоръ: онъ обманулся, повѣрилъ человѣку —

«Отъ человѣка всего можно ждать!»

**
*

Андрей забился въ уголъ — темно въ подвалѣ. Добро бы за что — тогда хоть подумать есть о чемъ, а когда такъ — тогда у человѣка одна жалоба.

Такъ вотъ чего можно ждать отъ человѣка! И съ этимъ можно примириться: «отъ человѣка всего можно ждать!» Но со своей судьбой? Это когда все хорошо, тогда забывается, а когда ударить, спрашиваютъ: за что и почему? Передъ человѣкомъ можно искать защиты, а передъ судьбой? Конечно, Епифаній куда-нибудь сунулъ деньги и забылъ — и никакъ не можетъ вспомнить — да у него и мысли нѣтъ вспоминать, онъ такъ увѣренъ, что деньги отдалъ. Такъ и останется, пока не найдутся — случайно — а бываетъ, что долго не находится вещь — и пока не найдется, останется виноватый.

И онъ просить:

— — чтобы деньги нашлись поскорѣе!

Очень тяжело: руки и ноги затекли, голова болитъ. И какъ увѣрить, что деньги не бралъ — не давали ему денегъ! — и что сдѣлать, чтобы повѣрили ему?

И просить:

— — чтобы пришла Епифанію мысль: вспомнить!

И почему и за что его судьба такая? Какою болью сжимаетъ она его руки и ноги? Стужа, нестерпимая жажда и тьма. И

изъ стужи, жажды и боли вдругъ озаряетъ его память: Россія, его родина, Николинъ день — завтра Николинъ день! И онъ чувствуетъ, какъ тепла эта мысль: Россія — Николинъ день.

И просить:

— — заступиться за него — сказать черезъ человѣка (отъ человѣка всего можно ждать и ничѣмъ не убѣдишь!) — поверхъ его судьбы, сказать туда: онъ не виновенъ.

Андрей сжался весь, точно сберечь хочетъ это тепло — эти слова свои о защитѣ передъ неумолимой судьбой. И забылся.

И, сномъ освобожденный отъ боли и горькихъ мыслей, забывшись, видитъ: вошелъ старичокъ съ воли, весь въ снѣгу съ мороза, Андрей узналъ его: это Николай Липенскій изъ Новгорода. Старикъ подошелъ къ нему и смотритъ.

«Не надо тужить такъ, — и рукой по головѣ, по волосамъ его провель, — вотъ ты и свободенъ!»

И почувствовалъ Андрей: ему вдругъ легко — и, разнявъ руки и вытянувшись, въ легкомъ снѣ крѣпко заснулъ.

**

Долго не могъ заснуть Елифаній. Въ коридорахъ сна путался онъ безвыходно и обнадеженный, что выходитъ на волю, опять попадалъ въ коридоръ — это ложь его путала и человѣкъ, отъ котораго всего можно ждать, коварно водилъ его. И вдругъ онъ увидѣлъ свѣтъ, остановился — думаетъ, наконецъ-то, нашелъ выходъ и конецъ его мукъ! — и только что хотѣлъ ступить, а изъ свѣта выходитъ — Елифаній сразу узналъ его и по лицу и по глазамъ, только онъ весь бѣлый, какъ снѣгомъ запорошенъ или отъ него такой это бѣлый свѣтъ —

«Елифаній, — сказалъ онъ, за что ты мальчишку мучаешь?» — нахмурился и рукой такъ показываетъ — туда же столъ.

И видитъ Елифаній, будто входитъ онъ къ себѣ въ комнату, вернулся съ Биржи, какая досада, зря только время провель! взялъ со стола книгу...

Епифаній, вспомнивъ, вскочилъ, зажегъ свѣтъ и прямо къ столу, раскрылъ книгу — а въ книгѣ деньги, какъ сунулъ тогда — теперь такъ ясно помнитъ! — такъ и лежатъ всѣ деньги.

— — —

Одинъ, никого не будя, со свѣчей спустился Епифаній въ подвалъ — разметавшись, Андрей спалъ на полу и рядомъ разбитыя лежали оковы. Взялъ его за руку, разбудилъ и только смотреть, не можетъ слова сказать, попросить простить его. И Андрей понялъ — легко поднялся.

И повелъ его Епифаній въ свою комнату, уложилъ его на свою постель. Дождался, когда заснетъ онъ — и на колѣняхъ простоялъ передъ нимъ ночь. Заря занялась, и почувствовалъ онъ, какъ со свѣтомъ входитъ къ нему свобода — никогда еще не встрѣчалъ онъ разсвѣтъ съ такимъ чувствомъ свободы!

**

По утру пошли они вмѣстѣ въ церковь. Какъ на Пасху, шли они въ церковь. Въ церкви стояли рядомъ и на сердцѣ горяча была молитва.

— Ты свободенъ, — сказалъ Епифаній, — не человѣку ты долженъ служить! — и показалъ на образъ Николая-чудотворца, — а эти деньги, бери себѣ: я хотѣлъ купить человѣка.

И въ землю поклонился.

— — —

Свободные они вышли изъ церкви — два брата Андрей и Епифаній.

А. Ремизовъ.

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ДНИ

Это было достаточно давно, чтобы все дурное забылось, — все хорошее осталось въ памяти. Такъ бываетъ всегда, или — лучше скажемъ — пусть всегда такъ бываетъ: легче и счастливѣе жить безъ зла въ прошломъ, и совершенно незачѣмъ таскать съ собой по свѣту багажъ плохихъ воспоминаній.

Юность моя прошла въ русской провинціи, въ скучномъ губернскомъ городѣ, но на большой рѣкѣ, на прекрасной Камѣ. Скуку города я забылъ, прелесть Камы помню во-вѣки. У города она была больше версты въ ширину. На томъ берегу были лѣса, и отъ берега они тянулись вглубь, хвойные, густые, непроходимые, невѣдомые — на такое разстояніе, на какое глазъ не видитъ, нога не заходитъ, звѣрь же и птица гуляютъ свободно. Иногда въ знойное лѣто эти лѣса горѣли, и тушить ихъ было некому; горѣли днями, недѣлями, мѣсяцами, и небо застилалось желтымъ угаромъ. Выгорали гдѣ-то плѣшины на десятки и сотни верстъ, — но при огромныхъ нашихъ лѣсныхъ богатствахъ были эти плѣшины незамѣтны. Онѣ заросли — и опять шумѣлъ про себя зеленый хвойный міръ.

Въ этомъ городѣ я окончилъ гимназію, отсюда послалъ прошеніе въ московскій университетъ о принятіи меня въ студенты. А когда пришла изъ Москвы бумажка, въ которой я именовался «милостивымъ государемъ» и извѣщался о принятіи, — я въ тотъ же день заказалъ студенческую фуражку съ широкой тульей и голубымъ околышемъ. Къ концу лѣта она успѣла выгорѣть на солнцѣ, да и потрепаться достаточно; носить фуражку линялую и бывалую считалось особымъ студенческимъ шикомъ.

Что такое счастье? Вотъ я это отлично знаю, потому что испыталъ — и уже никогда не забуду.

Быль у насъ въ городѣ большой «театральный садъ», хорошо заросшій тополями и тѣнистый. Я по нему проходилъ сотни разъ, но одинъ разъ прошелъ съ крыльями за спиной. Это было именно въ день покупки студенческой фуражки.

Было жарко, и люди сидѣли по домамъ, пили квасъ и вытирали потъ. Мнѣ же дома сидѣть было невозможно, такъ какъ зря висѣла бы на вѣшалкѣ новая студенческая фуражка. Поэтому я слонялся по городу съ дѣланно-равнодушнымъ видомъ, а при рѣдкихъ встрѣчахъ со знакомыми — приподымалъ фуражку и принималъ поздравленія. Путь съ главной улицы города къ набережной Камы лежалъ черезъ театральный садъ. И вотъ, когда я вошелъ въ его тѣнь и миновалъ первую аллею, — я вдругъ остановился и замеръ отъ нахлынувшего въ душу сознанья радости и счастья. Въ безлюдномъ саду счастье спустилось мнѣ на голову бѣлыми пушинками отцвѣтшаго тополя. Я былъ молодъ, на головѣ была фуражка съ околышемъ, жизнь лежала передо мной безконечной тополевой аллеей, впереди была Москва и невѣдомыя просторы для ума, для любви, для всякихъ житейскихъ приключеній. Можетъ быть, я объ этомъ въ тотъ моментъ думалъ, а вѣрнѣе — ни о чемъ не думалъ, а только чувствовалъ, что вотъ — выросли за спиной крылья, и весь міръ теперь доступенъ, а я — самый въ мірѣ этомъ счастливый человѣкъ.

Счастьемъ этимъ зачарованный прошелъ аллею, спустился къ набережной, увидалъ рѣку, съ дѣтства знакомую, — но впервые въ нестерпимомъ сіяніи счастья и красоты, — спустился къ водѣ и смотрѣлъ, какъ гуляютъ въ водѣ малыя рыбки. Если бы могъ — всѣхъ бы этихъ рыбокъ я наградилъ студенческими фуражками, чтобы и имъ было такъ же хорошо, какъ мнѣ.

Какъ вернулся домой — не помню. И то, что сейчасъ рассказалъ — не то, что было. Того рассказать нельзя — нѣтъ такихъ словъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ стучалъ по водѣ лопастями двухколесный большой пароходъ, отъ Перми до Нижняго Новгорода.

Бѣжали берега, лѣвый — крутой, правый — отлогій. Попадались въ пути послѣдніе, запоздалые плоты, а иной разъ и красавица-бѣляна, дивное пловучее зданіе изъ свѣже-тесанныхъ досокъ съ рѣзнымъ домикомъ (ничего красивѣе на свѣтѣ не бывало).

Ѣхало на пароходѣ въ Казань и столицы много молодежи. Но только одинъ мнѣ соперникъ — въ студенческой фуражкѣ. Фуражка новая, но зато длинные волосы и черная борода. Когда познакомились и разговорились, онъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ тоже въ Москву, и что онъ на третьемъ курсѣ. Но какъ-то нехотя сказалъ, скороговоркой, не смотря въ глаза, а на мои разспросы коротко отвѣчалъ: тамъ сами увидите. У него былъ хорошій голосъ, баритонъ, и въ хорѣ, который у насъ составилъ, онъ былъ запѣвалой. Разумѣется, съ бородакой и третьимъ курсомъ не трудно пользоваться большимъ успѣхомъ, чѣмъ безусый первокурсникъ, хоть и въ выцвѣтшей фуражкѣ. Не то, чтобы я чувствовалъ ревность, а все же уступалъ ему первое мѣсто въ нашей компаніи.

Вечеромъ собирались на палубѣ и пѣли, что въ тѣ времена полагалось пѣть: «Изъ страны-страны далекой», «Не осенній мелкій дожидчекъ», «Дубинушку» и «Славное море священный Байкалъ». Большинство были сибиряками, сейчасъ изъ гимназій.

Подолгу пили чай съ домашними булочками, заказывали пьяноборскихъ раковъ, роскошествовали и стерлядью кольчиномъ. Изъ напитковъ — темное пиво трехгорныхъ заводовъ. Покупали на пристаняхъ яблоки, арбузы, въ Казани — казанское мыло и сладкія баранки, а къ Нижнему компанія наша сильно порѣдѣла: только мы «москвичи», да трое «петербуржцевъ».

Когда же въ Нижнемъ улеглись мы съ запѣвалой-москвичемъ на верхнія лавки третьяго класса и стали передъ сномъ

болтать, — онъ смущенно признался мнѣ, что ѣдетъ въ Москву въ первый разъ, и что онъ не на третьемъ курсѣ, а только что принять на первый, того же юридического факультета.

— Самъ не знаю, почему я сбrehнулъ вамъ, что на третьемъ. Какъ-то было совѣстно, что у меня борода, а я первокурсникъ. У васъ же фуражка старая, и я думалъ, что вы старшаго курса. А ужъ потомъ, совравъ, неловко было сознаться.

Лѣтъ намъ, впрочемъ, оказалось поровну.

На вокзалѣ въ Москвѣ встрѣтила меня сестра, — и застучали колеса извозчика по Садовой улицѣ.

Москва казалась огромной, шумной и загадочной. Но душа съ нею сразу сроднилась (въ Москвѣ всякій находитъ родное). До начала занятій времени было много, и я безо всякаго дѣла бродилъ по Москвѣ часами — знакомился. Москва-рѣка маленькая, забавная, послѣ Камы — вродѣ ручейка. Но зато Кремль... А мосты, а улицы, а церкви, а площади, а сады! И магазины, магазины! Тамъ, гдѣ Большая Никитская уперлась въ Моховую, — тамъ священныя зданія Старога и Новаго университетовъ. Въ канцеляріи, конечно, побывалъ. Съ чувствомъ враждебнымъ, но тайно сладостнымъ обошелъ кругомъ Манежъ, куда полагалось загонять студентовъ во время безпорядковъ. Магазины полны книгъ — и всѣ эти книги умныя и мудренныя: Государственное право, Энциклопедія права, Курсъ судоустройства и судопроизводства... Страшновато и ужасно интересно.

Могъ бы я, конечно, жить въ семьѣ моей старшей сестры, — но сладость взрослой студенческой жизни въ свободѣ и самостоятельности. Поэтому, я искалъ себѣ комнату поближе къ университету — лучше всего на Бронной.

На воротахъ много бѣлыхъ билетиковъ «сдаеца комната»; на иныхъ, впрочемъ, приписано: «студентовъ не являца»; это очень обидно.

При бѣдности моей выборъ комнаты былъ не трудень: надо найти самую дешевую. Но все же не хотѣлось мнѣ жить, отдѣленнымъ только низкой перегородочкой или даже занавѣской отъ хозяйки, — хотѣлось имѣть комнату совсѣмъ отдѣльную. Такую нашелъ я, помнится, на Большой Бронной улицѣ, въ деревянномъ флигелькѣ во дворѣ. Умѣщалась въ комнатѣ кровать, шаткій столикъ и стулъ. Стулъ, правда мѣшалъ проходить. Для книгъ — подоконникъ, а окно почти упиралось въ стѣну сосѣдняго дома. Хозяйка — старушка, у хозяйки внучка, привѣтливая и, кажется, интеллигентная барышня. Все это подходило. И цѣна возможная для меня — восемь рублей въ мѣсяцъ. Эту комнату я и снялъ, а къ вечеру переѣхалъ. Пришлось только купить керосиновую лампу съ картоннымъ абажуромъ.

Когда переѣхалъ, разобралъ свой чемоданъ, выложилъ книги, осмотрѣлся, — замѣтилъ наклеенную надъ дверью бумажку со странной надписью:

«Здѣсь клоповъ нѣтъ».

Если нѣтъ — зачѣмъ было писать? До чего все въ Москвѣ мудро и интересно!

Ну, вотъ я и самостоятельный, вотъ я и московскій студентъ.

Вышелъ погулять (очень душно дома и дѣлать нечего). Такихъ же, какъ я, безусыхъ и неприкаянныхъ юношей, много бродило по переулкамъ Бронной. По одеждѣ, по неуклюжимъ фуражкамъ — сразу видно провинціаловъ. Но встрѣчаются и старые студенты: тужурка на распашку, грязная фуражка на затылкѣ, кудрявыя бородки, книжки подъ мышкой. Идутъ увѣренно — знаютъ куда и зачѣмъ. Завидно было на такихъ смотрѣть.

Проходя мимо студенческой пивной, слышу крикъ:

— Эй, стой!

Вижу — грозитъ мнѣ кулакомъ въ окно краснолицый и красноволосый студентъ, пьяный и возбужденный:

— Эй, стой, рыжій чортъ! Куда идешь?

Рыжій онъ, — а я бѣлокуренькій и на чорта не похожій. Но, конечно, изъ вѣжливости и уваженія къ старшему коллегѣ — приостановился. Онъ, шатаясь, вышелъ на улицу и грозно подошелъ ко мнѣ:

— Ты, рыжій чортъ, — на какомъ ты основаніи?

— А что?

— Почему не заходишь пиво пить?

— Я не пью.

— Ты кто же такой, медикъ?

— Нѣтъ, я — юристъ.

— Юристъ? Ну, тогда можешь итти. Намъ такихъ не нужно.

Взялъ меня за плечи, толкнулъ, а самъ вернулся въ пивную.

Было немножко обидно, — но и пріятно. Во-первыхъ — начало общенія со студенчествомъ. Притомъ рыжій коллега много старше меня и уже обросъ бородой. А, главное, — какая жизнь, какая бурная жизнь! Какое молодечество!

Одного я не могъ понять: чѣмъ похожъ я на рыжаго чорта? Тутъ какое-то недоразумѣніе.

Дальше шелъ я молодцомъ, подтолкнувъ фуражку къ затылку и насвистывая. Нашъ міръ, нашъ кварталъ, наша жизнь. Повстрѣчавъ гимназиста — взглянулъ на него ласково и насмѣшливо: синяя говядина. И право же, одна барышня сдѣлала мнѣ глазки. Придется начать курить.

На Тверскомъ бульварѣ играла музыка, и старушка взымала по пятакъ за стулъ. Ну что-жъ, пятачокъ я затратить могъ. Но скучно сидѣть — зря платилъ пятачокъ. На другой же пятакъ я купилъ пирожокъ въ булочной Филиппова, — одинъ изъ тѣхъ пирожковъ, въ которыхъ мясная начинка всегда оказывалась на другомъ концѣ — съ какого ни начни ѣсть.

И домой пришелъ я счастливый и усталый. Зажегъ новую лампу, убѣдился, что фитиль обрѣзанъ криво, потому она и коптитъ. Но ужъ очень хорошо было сознавать, что вотъ я —

въ собственной квартирѣ, бѣдный труженикъ-студентъ, надежда Россіи, борецъ за справедливость, защитникъ угнетенныхъ, авангардъ русской интеллигенціи.

И когда съ этими горделивыми и сладкими мыслями юркнулъ я подъ одѣяло и задулъ лампу, — тутъ то я понялъ, почему надъ дверью наклеена бумажка съ надписью: «Здѣсь клоповъ нѣтъ». Это мой предшественникъ подшутилъ надо мною, — а хозяйка недоглядѣла, не сорвала его бумажки.

Полночи провозился въ постели, поминутно зажигая лампу или воюя спичкой со стадами краснокожихъ. Къ утру уснулъ замученный.

Но вѣдь все это пустяки! Нужно хорошо осмотрѣть тюфякъ, смазать всѣ щелочки керосиномъ, а ножки кровати поставить въ желѣзные чашечки, налитыя водой. И тогда спится отлично. Такъ мнѣ и хозяйка посовѣтовала, хоть и сказала, что клоповъ у нея не водится и что я, должно быть, привезъ ихъ съ собой.

Въ день изумительный и памятный круглый залъ Старога университета былъ полонъ молодежи. Первая лекція — профессора Александра Ивановича Чупрова. Вотъ и онъ всходитъ на кафедру подъ гулъ аплодисментовъ.

Улыбнулся, провелъ рукой по сѣдымъ волосамъ, поправилъ очки и мягкимъ баскомъ началъ:

— Милостивые государи!

Кровь прилила къ сердцу и дыханье замерло: вотъ оно, начинается!

.....

Такъ началась моя студенческая жизнь. И да будетъ память о тѣхъ дняхъ — навѣкъ благословенна.

Мих. Осоргинъ.

О ГУСѢ ЛАПЧАТОМЪ

Весенній прилетъ птицъ на далекомъ сѣверѣ — это такая вещь, о которой равнодушно даже вспомнить нельзя. Послѣ зимняго молчанія и тишины бурное появленіе ихъ съ юга кажется радостной вѣстью изъ другого міра, освобожденіемъ отъ измучившихъ морозовъ, снѣговъ и мятелей, настоящимъ воскресеніемъ.

Первыми прилетаютъ всегда гуси.

Первый гусь это большое событіе въ нашей жизни — вѣдь это уже настоящее доказательство, что зимнее царство рушится, что весна идетъ. Когда пріѣхавшій за сорокъ верстъ сверху якутъ разсказалъ, что въ Аллаихѣ видѣли гуся, его разсказъ во мгновеніе ока облетѣло все наше селеніе — всѣ семь домовъ — и всѣхъ глубоко взволновалъ. Это былъ настоящій вѣстникъ весны.

На другой день пролетѣли три гуся и надъ нами. Пролетѣли низко надъ землей — съ глухими двойными криками — и сѣли гдѣ-то неподалеку на песчаной косѣ. Оттуда еще долго доносилось ихъ гоготаніе. Это было 5 мая и я въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ этотъ день, какъ официальное открытіе весны. Оказывается, поторопился. Подули холодные восточные вѣтра и «заперли» гуся вверху. Въ эти дни видѣли даже нѣсколько гусей, которые съ тревожными криками возвращались обратно. Только 17 мая повѣяло настоящей весной.

Но что значитъ весна на далекомъ сѣверѣ, въ 80 верстахъ отъ открытаго Ледовитаго Океана? Кругомъ все тѣ же необозримые снѣга. Правда, солнце уже точитъ ихъ сверху, но на ночь они снова замерзаютъ крѣпкой и скользкой лазурью, держащей тяжесть человѣка. И смотрѣть кругомъ безъ си-

нихъ консервовъ невозможно — слѣпить глаза. Все еще спитъ и рѣка скована мертвымъ льдомъ. Но все же кое-гдѣ вдоль рѣки обнажаются пески — на нихъ то и любятъ собираться гуси. Чѣмъ они здѣсь, въ этихъ условіяхъ, питаются, этого я никогда понять не могъ. И зачѣмъ такъ торопятся на сѣверъ, тоже не знаю.

Почти одновременно съ гусями появились и чайки. Потомъ лебеди. Потомъ всякая мелкая тварь — кулики, утки, камешарки, турухтаны. Но гуси преобладали. Сначала они прилетали парами, тройками, шестерками, потомъ повалили валомъ. И съ каждымъ днемъ становилось шумнѣе — въ концѣ концовъ гономомъ и крикомъ гусей былъ полонъ воздухъ.

Время это для охотника самое сумасшедшее — да и не только для охотника. Эти недолгіе дни прилета, какъ праздникъ для всѣхъ. Весна здѣсь наступаетъ бурно — на рѣкѣ стоитъ грохотъ отъ ломающихся льдинъ, тонуть берега, разливаются болота между домами. А въ воздухѣ настоящее ликование — несется неудержимый потокъ жизни. Откуда всѣ они? Съ береговъ Тихаго Океана, изъ Манджуріи, изъ южнаго Китая, изъ Индіи, быть можетъ даже изъ Австраліи? Да, нѣкоторыя изъ нихъ зимою живутъ и тамъ. Какая таинственная сила гонитъ ихъ сюда — со знойнаго юга въ суровый край?

Ихъ жизнь подчинена твердымъ и постояннымъ законамъ. Изъ года въ годъ они прилетаютъ сюда, въ низовья Индигирки, въ свои опредѣленные дни. Для ночевокъ облюбовываютъ однѣ и тѣ же мѣста. Какъ сложились эти законы? Почему родиной своей они избрали непривѣтливый холодный сѣверъ и каждый годъ непременно возвращаются сюда?

Изъ всѣхъ прилетающихъ птицъ гусь въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ надъ остальными. Въ теченіе десяти дней, быть можетъ, двухъ недѣль гуси непрерывно летѣли вдоль рѣки огромными караванами, тучами садились по берегамъ. Лѣтомъ я видѣлъ на морѣ неисчислимые количества ихъ, которыя издали казались темными островами. И съ гусемъ за это время

пришлось познакомиться больше, чѣмъ съ какой-либо другой птицей.

На сѣверѣ нѣтъ охотниковъ, есть промышленники. Гусь для мѣстнаго населенія — это такой же предметъ пропитанія, какъ и всякій другой, какъ, на примѣръ, рыба, которой здѣсь живутъ круглый годъ. Весной собираютъ гусиные яйца, лѣтомъ — ловятъ «ленныхъ», т. е. потерявшихъ во время линьки способность летать, гусей сѣтями въ огромныхъ количествахъ.

Кладетъ гусь яйца на «камнѣ». Такъ называются слабыя возвышенности, вѣрнѣе сказать, холмы, которые идутъ грядами вдоль береговъ океана, нѣсколько къ сѣверу отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ тогда я. Въ это время весеннія воды держатся еще высоко, болота и озера соединены между собой и съ Индигиркой безчисленнымъ количествомъ мелкихъ и крупныхъ, быстрыхъ и тихихъ протоковъ. Пѣшкомъ здѣсь никуда не уйдешь — передвиженіе возможно лишь на лодкѣ или вѣрнѣе — на «вѣткѣ». Вѣтками въ Якутской области называются легкія, сшитыя изъ тонко выструганныхъ досокъ лодочки вмѣстимостью на одного человѣка; управляется такая лодочка однимъ двухлопастнымъ весломъ. Дно «вѣтки» плоское и потому она чрезвычайно вертлява и неустойчива; ѣздить на ней дѣло не простое.

Зато, когда овладѣешь этимъ искусствомъ, сколько наслажденія доставляетъ ѣзда на такой «вѣткѣ»! Она прыгаетъ по волнѣ, скользитъ по тихой водѣ, мчится стрѣлой по быстрому теченію. Ее легко перетащить изъ одной протоки въ другую, можно, въ случаѣ надобности, перенести даже на рукахъ. Но въ погоду, когда сбоку или спереди бьетъ вѣтеръ, надо быть на чеку — лови волну на весло, не зѣвай, иначе того и гляди опрокинется утлое суденышко!..

Нашъ промыселъ оказался удачнымъ — собрали нѣсколько десятковъ крупныхъ гусиныхъ яицъ. И здѣсь впервые пришлось познакомиться съ гусемъ ближе. Свое гнѣздо — простое незатѣйливое углубленіе — гусь устраиваетъ обычно въ

полугорѣ. По большей части на яйцахъ сидитъ гусыня, но иногда ее смѣняетъ и гусь. Обычно же онъ сидитъ возлѣ, чтобы ей, очевидно, не было такъ скучно. Сидятъ они очень крѣпко и подпускаютъ на гнѣздѣ человѣка близко — значительно ближе ружейнаго выстрѣла — и очень неохотно снимаются. Были случаи, что гусыню убивали на гнѣздѣ — послѣ этого легко добраться и до гуся, такъ какъ онъ упорно къ этому мѣсту возвращается. Промышленники этимъ пользуются и караулятъ возлѣ найденнаго гнѣзда, не трогая яицъ, чтобы дожидаться и гуся и гусыню. Мнѣ рассказывали поразительную исторію гуся, который не только спасся самъ, но и спасъ свои яйца. Найдено было однажды гнѣздо съ яйцами, но самого гуся спугнули. Въ такихъ случаяхъ обычно дѣлаютъ западню: прилаживаютъ тяжелое бревно такъ, чтобы, падая на гнѣздо, оно не раздавило яицъ, а самого гуся придавило къ землѣ и не дало ему возможности изъ ямки выбраться. Когда промышленникъ вернулся къ гнѣзду, онъ увидѣлъ, что гусь, дѣйствительно, въ гнѣздѣ побывалъ и бревно уронилъ, но ни гуся, ни, что было еще болѣе странно, яицъ въ гнѣздѣ промышленникъ не нашелъ. Оказывается, гусь прокопалъ землю, какимъ то способомъ выволокъ изъ гнѣзда свои яйца и куда то далеко ихъ укатилъ. Какимъ образомъ? Одинъ старый и опытный промышленникъ увѣрилъ меня, что гусь можетъ подобрать яйцо подъ крыло и, ковыляя, пѣшкомъ, унести его на большое разстояніе...

Всѣ гуси здѣсь дѣлятся на «дѣтныхъ» и «холостыхъ». Только нѣкоторая часть гусей склонна къ семейной жизни, остальные предпочитаютъ вольную, не связанную никакими обязанностями жизнь холостяка. И въ этомъ есть какая то цѣлесообразность природы, потому что, право, невозможно себѣ представить, что было бы, если бы всѣ эти огромныя полчища, которыя населяютъ берега Ледовитаго Океана каждый годъ, увеличивались втрое - вчетверо... «Дѣтные» или семейные гуси располагаются на жительство обычно на «камнѣ», въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ береговъ океана, тогда какъ холо-

стежь въ теченіе всего лѣта веселыми и крикливыми табунами кочуетъ по самымъ берегамъ. И вотъ что удивительно. Гусь и вообще всѣ гусиныя породы (утки, лебеди) линяютъ лѣтомъ не такъ, какъ линяютъ всѣ птицы. Обычно, птица линяетъ «черезъ перо», какъ выражаются охотники, т. е. постепенно и почти незамѣтно ея зимнее или весеннее опереніе лѣтомъ смѣняется. При этомъ птица совершенно не утрачиваетъ своихъ способностей къ летанію. У гусиныхъ линька проходитъ менѣе благополучно — они теряютъ свои главные перья — «маховыя» (самыя длинныя перья крыла) разомъ и тогда уже не могутъ летать. И только когда у гуся отрастутъ новыя крылья, онъ снова можетъ подняться на воздухъ. Продолжается эта линька обычно дней десять-двѣнадцать, — въ этихъ мѣстахъ, «отъ Прокопія до Ильина», т. е. съ 8 по 20 іюля (по старому стилю). На это время гусь становится, какъ выражаются здѣсь промышленники, «пѣшой». Конечно, это очень отражается на его жизни — онъ становится почти беззащитнымъ — его въ это время нѣ такъ ужъ трудно догнать и забить палкой. Легко догоняетъ его также собака, не говоря уже о песцѣ...

Объ этомъ тяжеломъ для гуся времени хорошо знаютъ его многочисленныя враги и ждутъ его съ нетерпѣніемъ, но знаетъ свое слабое мѣсто и гусь. Огромными, необозримыми стадами скопляются тогда гуси по берегамъ приморскихъ озеръ, грудятся вмѣстѣ, чтобы дождаться того желаннаго дня, когда снова отрастутъ крылья и онъ снова сдѣлается вольнымъ и могучимъ.

И вотъ здѣсь происходитъ удивительная вещь. Гусь линяетъ между 8 и 20 іюля, какъ разъ къ этому же времени у «дѣтныхъ» появляются и молодые гусенята. Но они еще безпомощны, имъ нужна защита родителей, а какая же можетъ быть у нихъ защита, если взрослые въ это время лишены самой главной своей способности — полета? И вотъ природа распорядилась такъ, что «дѣтныя» гуси линяютъ нѣсколько позже «холостыхъ»... Когда гусенята уже сами начинаютъ перелеты-

вать и становятся самостоятельными, тогда только начинается линька у ихъ родителей.

Гусеваніе или промыселъ линяющихъ («ленныхъ», какъ говорятъ здѣсь) гусей — это, быть можетъ, самое интересное, что мнѣ пришлось видѣть на сѣверѣ.

«Гусники» отправляются на промыселъ къ морю партіями въ послѣднихъ числахъ іюня на «вѣткахъ». Это очень трудное и рискованное путешествіе. Партія, въ которой участвовалъ я, состояла изъ 17 человѣкъ, — выѣхали мы на промыселъ 29 іюня, а вернулся я домой только 31 іюля. За это время пришлось сдѣлать на «вѣткѣ» въ оба конца свыше 250 верстъ. Были сильные дожди, ужасные вѣтры, даже снѣгъ. Переплывали мы на своихъ утлыхъ суденышкахъ морскую губу въ 30 верстъ шириной. Мерзли, не досыпали, мокли, все время пришлось прожить среди болотъ и даже для сна нѣльзя было найти сухого мѣстечка. И, конечно, адски уставали. Достаточно сказать, что при возвращеніи — возвращаться пришлось въ очень скверную погоду, при сильномъ встрѣчномъ вѣтрѣ со снѣгомъ — я провелъ въ «вѣткѣ» восемнадцать часовъ подрядъ и сдѣлалъ почти безъ перерывовъ 25 верстъ... Но не голодали, нѣтъ! Наша партія за все время упромыслила... 14.000 гусей! Тамъ же мы ихъ и закопали въ большихъ ямахъ. Вывозили ихъ потомъ только зимой, уже мерзлыхъ. Стыдно сказать, идетъ вся эта прекрасная птица... на кормъ собакамъ: на собакахъ индигирцы ѣздятъ, это ихъ единственная «скотинка», какъ они ихъ любовно называютъ.

Гусей ловятъ слѣдующимъ образомъ. Намѣчаютъ на озерѣ стадо побольше, затѣмъ начинаютъ осторожно его окружать. Гуси еще больше грудятся вмѣстѣ на водѣ. На берегу тѣмъ временемъ устанавливаютъ полукругомъ сѣти съ выходомъ къ водѣ. Затѣмъ осторожно подгоняютъ все стадо къ берегу, ставятъ корридормъ «вѣтки» и криками гонятъ гусей въ огороженное сѣтями мѣсто. Когда гуси загнаны, закры-

вають виходъ, перелѣзають вѣнутрь и здѣсь начинаютъ гусей избивать. Чтобы гусь не мучился, палками никогда ихъ не бьютъ — это считается «грѣхомъ»; гуся хватають за шею, крутятъ его нѣсколько разъ въ воздухъ и выбрасываютъ за сѣтъ — шейные позвонки ломаются и смерть наступаетъ мгновенно.

И вотъ здѣсь то мнѣ пришлось видѣть, какъ изъ стада уже загнанныхъ въ сѣтъ гусей (это обычно 2.000 - 3.000 штукъ!) вдругъ поднимается нѣсколько гусей и улетаютъ. Это «дѣтныя» гуси, т. е. тѣ, которые уже клали яйца и настроились къ семейной жизни: человѣкъ, чайка, песецъ, собака уничтожили яйца; семейная жизнь ихъ разрушена и имъ ничего не остается, какъ присоединиться къ кочующимъ гусямъ. Но они линяють позднѣе холостыхъ, они еще не утратили способности летать и пользуются ею, когда пришла послѣдняя смертельная опасность. Какъ велико у нихъ чувство товарищеской солидарности — до самой послѣдней минуты они остаются товарищами, хотя могли бы улетѣть на своихъ могучихъ крыльяхъ при первой же тревогѣ...

Осторожность и умъ гуся можно въ концѣ концовъ объяснить тѣмъ огромнымъ жизненнымъ опытомъ, который гусь имѣетъ уже на одномъ своемъ грандіозномъ весеннемъ перелетѣ. Только подумайте, сколько чего ему приходится испытать на длинномъ пути изъ Южнаго Китая до Ледовитаго океана, сколько враговъ онъ встрѣтитъ! Часто приходилось встрѣчать въ тѣлѣ убитаго гуся дробинки разныхъ калибровъ. Вѣдь это значить, что въ него не только нѣсколько разъ стрѣляли, но и нѣсколько разъ попадали, — ему ли не знать, что такое человѣкъ, ему ли не быть знакомымъ съ видомъ ружья! Но что меня удивляло, что мнѣ остается необъяснимымъ до настоящаго времени, это осторожность молодого гуся, только этимъ лѣтомъ выведеннаго. Вѣдь онъ въ этихъ пустынныхъ водахъ не встрѣчалъ еще человѣка, онъ еще не знаетъ ни одного перелета — пока онъ знаетъ только пустыню океана и одно лишь безмолвіе болотъ! И тѣмъ не менѣе мнѣ,

какъ охотнику, всего больше затрудненій доставлялъ именно этотъ осенній гусь!

Осенью гуси медленно передвигаются къ югу — откочевываютъ короткими этапами. Морозными утрами они любятъ пастись на пескахъ, грѣясь въ лучахъ умирающаго уже солнца. Сколько бессонныхъ ночей провелъ я, карауля эти отлеты. Я былъ съ ружьемъ, но не въ ружьѣ тутъ было дѣло — хотѣлось подсмотрѣть ихъ тайны, которыя мнѣ казались тайнами природы.

Еще совсѣмъ темно. Наскоро глотаешь горячій чай, набиваешь карманы сухарями и осторожно идешь къ намѣченному и даже приготовленному заранѣе мѣсту. Изъ плавника (мертвый лѣсъ, который прибываетъ весной къ берегамъ — живого лѣса въ этихъ краяхъ нѣтъ) давно уже сдѣлана «засадка», за которой можно укрыться — пусть гусь думаетъ: это просто куча плавника, какихъ много по берегамъ Индигирки. Боже сохрани на ближнемъ пескѣ оставить слѣды — тогда гусь ни за что сюда не опустится! Сидишь, вглядываешься въ темноту, гдѣ сѣрѣютъ пески. Ничего не видно еще даже въ бинокль. Гдѣ-то далеко раздались гусиные крики — какъ вдругъ забилося сердце! Высоко прошелестѣли крылья. Вотъ еще крики, еще... И вдругъ начинаешь различать на песчаной косѣ, къ которой прикованъ бинокль, тяжелыя темныя тѣла. Шесть гусей, вотъ уже десять, двѣнадцать... Они спокойно пасутся, пощипываютъ травку, набираются силъ для далекаго путешествія, нѣкоторые прижались брюшкомъ къ песку. Какой у нихъ безпечный видъ! Немножко въ сторонѣ сидитъ, вытянувъ вверхъ шею, сторожевой гусь, — на немъ отвѣтственность за благополучіе остальныхъ. Не отрываясь, смотрю въ бинокль — часъ, два часа. Клянусь, за всѣ эти два часа сторожевой ни одного раза не позволилъ себѣ опустить головы, ни разу не протянулъ клюва къ сосѣдней травкѣ!... И достаточно сдѣлать одно неосторожное движеніе, стукнуть ружьемъ, выглянуть по-

верхъ засадки — раздается предостерегающій короткій крикъ, и вся стая снимается.

Осенняя охота никогда не бываетъ прибыльной и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не бываетъ гусь такъ упитанъ, такъ жиренъ, какъ осенью. Ему надо накопить много силъ для далекаго путешествія.

Послѣднія стаи улетають на югъ, когда земля уже покрыта снѣгомъ. Они всегда летятъ высоко — оттуда они скорѣе увидятъ края, въ которыхъ проведутъ зиму...

Прощайте, прощайте! До слѣдующей весны!

В. Зензиновъ.

НА РОДИНѢ ПУШКИНА

I.

Больше, чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ, мнѣ пришлось побывать на родинѣ Пушкина — въ Святогорскомъ монастырѣ и въ Михайловскомъ. Но я и до сихъ поръ помню, какимъ радостнымъ трепетомъ наполнилась вся моя душа, когда я сѣлъ въ поѣздъ и тронулся въ путь...

Вѣдь это такое счастье — увидѣть все, что видѣли когда-то его глаза.

Большое озеро, на которое онъ смотрѣлъ изъ своихъ оконъ и на той сторонѣ озера — Тригорское съ гигантскими старыми дубами въ три обхвата. Увидѣть лѣсъ, по которому онъ скакалъ верхомъ и тѣ «широкошумныя дубравы», гдѣ онъ бродилъ, вынашивая свои стихи. Можетъ быть, осталось хоть что-нибудь и отъ стараго дома, который сгорѣлъ, и хоть какая-нибудь мелочь изъ тѣхъ вещей, къ которымъ прикасалась его рука... Наконецъ, увидѣть его могилу, поднять съ нея на память камушекъ, сорвать вѣтку съ ближайшаго дерева....

Мой путь лежалъ на городъ Островъ, Псковской губерніи, а отъ Острова пришлось ѣхать больше 60-ти верстъ на лошадахъ. Была зимняя распутица — слякоть и снѣгъ съ дождемъ, и дорога была до чрезвычайности трудна. Я пробовалъ и на колесахъ, и на саняхъ, и было одинаково скверно. Поминутно сани ныряли въ зажоры, или тяжело, съ натугой, тащились по голымъ буграмъ и скрежетали полозьями по камнямъ.

Кругомъ было пустынно, глухо и мертво. Березовые перелѣски, какъ озябшіе нищіе, дрожали въ сыромъ туманѣ, и мокрая, отяжелѣвшія вороны неуклюже прыгали по дорогѣ и неуклюже долбили толстыми носами замерзшій конскій пометъ.

Отъ ямскихъ лошадей поднимался паръ, шелъ косой унылый дождикъ, и жалобно гудѣли на вѣтру мокрые телеграфныя столбы.

И вспомнилось мнѣ, что по этой же дорогѣ везли мертвого, убитого Пушкина. И не 60 верстъ, а всѣ 600 — отъ Петербурга до Святыхъ Горъ.

Такое же, приблизительно, было тогда время года и, кажется, такая же мокрая распутица. Только Пушкина везли не шажкомъ и не рысцей, а по фельдъегерски, вскачь, какъ было

Какія это были тяжелыя, незабываемыя похороны.

Ни отца, ни брата, ни жены, ни друзей — никого не было за этимъ чернымъ большимъ ящикомъ. Только Александръ Тургеневъ скакалъ сзади на взмыленной тройкѣ... А въ черномъ ящикѣ колотилось мертвое тѣло поэта...

Маленькіе, глупенькіе люди, ничтожные изъ самыхъ ничтожныхъ, погасили эту прекрасную свѣтлую жизнь и потомъ устроили «воровскія» похороны.

Какъ будто боялись, чтобы объ этомъ великомъ злодѣйствѣ не заговорили даже камни... Село Михайловское только въ литературѣ извѣстно подъ этимъ именемъ. Мѣстные крестьяне называютъ его иначе — не то Воскресенское, не то Вознесенское — точно не помню.

Отъ Святыхъ Горъ, гдѣ на монастырскомъ кладбищѣ погребенъ Пушкинъ, оно расположено въ 3-4 верстахъ. Но само собой понятно, что мнѣ прежде всего хотѣлось побывать «у гробового входа» и поклониться дорогой могилой. На кладбище я пошелъ одинъ. Не хотѣлось ни проводниковъ, ни свидѣтелей. И, въ особенности, не хотѣлось никому показывать своего волненія, невольно охватившаго душу.

Монастырское кладбище очень живописно. Оно расположено на холмѣ, и въ центрѣ его, на самомъ красивомъ мѣстѣ, окруженная старыми деревьями, виднѣлась облупленная, съ осыпавшейся штукатуркой и съ зіяющими красными кирпичами, дорогая могила.

— Здѣсь лежитъ Пушкинъ. Рабъ Божій Александръ.

Я снялъ шляпу, сталъ на колѣни и низко, до самой земли, поклонился.

Я былъ тогда молодъ, я ни во что не вѣрилъ и никогда не молился.

Но тутъ, стоя на колѣнахъ у могилы Пушкина, я, самъ не

Е. Родченко

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

знаю, почему, тихо прошепталъ: «Святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй насъ»..

Не вспомню, о чемъ тогда мнѣ думалось въ этотъ влажный, сѣрый и теплый зимній день. Но очень отчетливо помню, что именно тутъ, среди этой тишины кладбища, опершись рукой на мокрое дерево, я понялъ, до чего намъ дорогъ, близокъ и милъ — безконечно милъ Пушкинъ.

Никого изъ отошедшихъ писателей мы такъ не любимъ, и никто такъ глубоко не вросъ въ нашу душу. Пушкинъ не только намъ близокъ, — но это самый любимый человѣкъ въ нашей исторіи. Это родной, изъ родныхъ родной. Есть что-то общее и нераздѣльное въ томъ чувствѣ, которое мы питаемъ къ Пушкину и къ Россіи.

Россію безъ Пушкина я даже вообразить себѣ не могу. Это была бы страна безъ солнца и жизнь безъ радости.

И если бы у меня было какое-нибудь очень тяжелое горе, то я пришелъ бы плакать сюда и знаю, что тутъ, на могилѣ Пушкина, мнѣ было бы легче, и душа моя нашла бы исцѣленіе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ я тогда, въ этотъ теплый и влажный зимній день.

И еще думалось мнѣ о русской неблагодарности... Положительно совѣстно было смотрѣть на эту бѣдную могилу самаго любимаго въ Россіи человѣка и до боли стыдно было вспомнить, какъ привезли сюда его бездыханное тѣло...

Меся не было на свѣтѣ, когда это случилось, и родителей моихъ тоже еще не было. Но отчего же такъ мучительно вспоминать про это и отчего такъ хочется просить прощенія у этой тихой могилы?

Здѣсь, у «гробового входа», я это особенно живо почувствовалъ. По крайней мѣрѣ, уходя съ кладбища, я поднималъ съ земли «на память» кусокъ кирпича, отвалившійся отъ могильной плиты Пушкина и прильнулъ къ нему губами, какъ будто здѣсь былъ погребенъ мой отецъ, мой братъ, мой оскорбленный другъ.

II.

На постояломъ дворѣ въ Святыхъ Горахъ, куда я пришелъ съ кладбища, чтобы напиться чаю и поискать лошадей для поѣздки въ Михайловское и Тригорское, я случайно столкнулся

и познакомился съ мѣстнымъ земскимъ врачомъ, очень милымъ и очень радушнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Такъ вы пріѣхали посмотрѣть пушкинскій уголокъ? Ну, скажите, какъ вамъ повезло; вѣдь только третьяго дня въ Михайловское пріѣхалъ сынъ Пушкина, Григорій Александровичъ съ женой...

— Да что вы говорите?.. И мнѣ можно будетъ повидать его, познакомиться?

— А почему же нѣтъ? Если хотите, я отвезу васъ и представлю... Онъ человѣкъ простой и безъ всякихъ фанатерій...

— А кто онъ, что онъ, чѣмъ занимается? Я ничего почти о немъ не знаю...

Докторъ улыбнулся.

— А вотъ сами увидите. Только не ждите ничего необыкновеннаго...

По тому, какъ сказалъ это докторъ и какъ онъ улыбнулся, я понялъ, что, вѣроятно, въ Пушкинѣ-сынѣ было мало «пушкинскаго».

— Но что за нужда. А все таки это сынъ поэта, плоть отъ плоти его. Какъ бы то ни было, но взглянуть на него, пожать ему руку — развѣ это не радостно?..

Я зналъ, что Григорію Александровичу было только три года, когда убили его отца. Я зналъ, кромѣ того, что дѣти поэта выросли въ чужой семьѣ — въ семьѣ Ланскихъ (жена поэта вышла замужъ за Ланского) и, что, слѣдовательно, мои разспросы и разысканія о покойномъ поэтѣ не могли дать большихъ результатовъ. Можетъ быть, сынъ знаетъ больше, чѣмъ знаемъ мы всѣ, а можетъ быть, и не больше. Поэтому, опредѣляя линію своего поведенія при предстоящей встрѣчѣ, я рѣшилъ такъ:

— Я пріѣхалъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе сыну Пушкина. Угодно будетъ Григорію Александровичу говорить объ отцѣ — мы будемъ говорить. Не угодно — поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Отъ Святыхъ Горъ до Михайловскаго дорога идетъ черезъ лѣсъ, и тутъ каждая пядь земли, конечно, была истоптана ногами Пушкина и копытами его верхового коня. Онъ здѣсь гулялъ, онъ здѣсь думалъ и здѣсь зарождались напѣвы въ его пѣвучей душѣ. Это удивительно, какъ сильна надъ нами власть

вещей и власть неодушевленной природы, если когда-то давно этих вещей касались любимыя руки и если этой природой любовались родные глаза.

— Вотъ эту старую голую березу, конечно, видѣлъ Пушкинъ и вотъ на этотъ пригорокъ, черезъ темя котораго пробѣжала лѣсная дорога, онъ, навѣрное, галопомъ взлеталъ на своемъ добромъ конѣ...

Странно, я никогда здѣсь не былъ, а вотъ ѣду и повторяю вслухъ слова Пушкина:

« Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое».

Удивительно, что и докторъ, мой спутникъ, тоже произнесъ вслухъ тотъ же пушкинскій стихъ, но только въ его оперномъ искаженіи:

«Мнѣ все здѣсь на память приводитъ былое»..

Лѣсная дорожка незамѣтно перешла въ широкую еловую аллею, въ концѣ которой виднѣлись ворота усадьбы. Какія старыя, какія исполинскія ели. Имъ и при Пушкинѣ было лѣтъ по двѣсти, а сейчасъ это совсѣмъ древнія старухи, современницы Петра Великаго и даже, пожалуй, его отца, знаменитаго на всю Русь соколинаго охотника, тароватаго царя помѣщика, тишайшаго Алексѣя.

Зеленыя широкія лапы елей были усыпаны толстымъ слоемъ талаго снѣга и на солнцѣ съ нихъ капала вода и брилліантами горѣли крупныя капли...

Какъ тихо и какъ торжественно въ этой старой до-петровской аллеѣ, и какъ звонко цокаютъ по оледенѣлой дорогѣ подковы лошадей...

А, можетъ быть, то стучитъ мое сердце?.. Господи! какъ колотится оно въ груди и какой вихрь недодуманныхъ мыслей, недоконченныхъ воспоминаній и обрывающихся чувствъ налетѣлъ на меня среди этой зеленой тишины у самага входа въ пушкинское гнѣздо. Я и не думалъ, что это можетъ такъ взволновать!..

Процокали кони аллею, и мы увидѣли небольшой — очень небольшой и очень невзрачный, крытый соломой домъ, и за нимъ внизу огромное, все покрытое льдомъ, озеро, по которому ѣхалъ верхомъ мужикъ и пѣлъ пѣсню.

— Неужели у Пушкиныхъ былъ такой маленькій и... такой бѣдный съ виду домикъ?

Мы вошли въ переднюю, раздѣлись, и деревенская горничная понесла наши карточки, держа ихъ въ обѣихъ рукахъ, какъ будто она несла посуду.

Докторъ, какъ свой человѣкъ, провелъ меня въ гостиную — очень нарядную, петербургскаго типа гостиную, гдѣ шелковая мебель, ковры и картины сразу заставили забыть о соломенной крышѣ.

— Здравствуйте, дорогой докторъ. Какъ это мило съ вашей стороны, что вы къ намъ заглянули, да еще и гостя привезли. Очень радъ познакомиться... Пушкинъ.

Передъ нами стоялъ высокій, стройный, худошавый старикъ съ большой окладистой посѣдѣвшей бородой...

Какъ странно. Это тотъ, которому было тогда три года и котораго отецъ въ письмахъ къ женѣ называлъ «Гришкой». Я не могъ бы представить себѣ старикомъ и Пушкина-отца, а между тѣмъ предо мной стоялъ его сѣдобородый старикъ-сынъ...

Я не утерпѣлъ и высказалъ Григорію Александровичу это мое «удивленіе», какъ капризъ памяти человѣческой.

— Да, да, да, моя длинная бородаща многихъ удивляетъ... при первомъ знакомствѣ... Мнѣ было три года, когда скончался отецъ и всѣ почему-то думаютъ, что для меня время остановилось... А между тѣмъ я очень подросъ за эти полвѣка.

Онъ мило шутилъ, смѣялся и все потиралъ свои прелестныя, красивыя, «пушкинскія» руки, а сквозь сѣдые усы виднѣлись его удлиненные, густые и тоже «пушкинскіе» зубы.

Заговорили о предстоявшемъ тогда юбилеѣ поэта и о будущихъ торжествахъ.

— Псковское дворянство хочетъ у меня купить Михайловское, чтобы устроить тутъ пріютъ престарѣлыхъ писателей... Что же, я не возражаю, хотя отцовскаго, пушкинскаго тутъ очень мало осталось. Домъ этотъ построенъ уже послѣ смерти отца и даже значительно послѣ. Старый домъ сгорѣлъ, и сгорѣла почти вся мебель. Изъ отцовскихъ вещей уцѣлѣла только вотъ эта качалка и вотъ этотъ столикъ, да одинъ изъ лучшихъ его портретовъ. Былъ еще кинжалъ, которымъ очень дорожилъ отецъ, но кинжалъ унесли посѣтителі на память...

— Неужели уворовали?..

— Да, унесли.. Я не живу тутъ, — я живу въ Виленской губерніи, въ имѣніи жены моей... А управляющій, который во-

дить посѣтителей, не усмотрѣлъ... Очень, очень досадная про-
пажа...

Ужасно стыдно было слышать эти слова...

— Правда, такія вещи надо бы держать въ музеяхъ, а не
въ этомъ захолюстѣ подъ надзоромъ какого-то управляюща-
го.

Вошла жена Григорія Александровича, молодая 30-тилѣт-
няя женщина, не по-деревенски нарядная, съ пышной причес-
кой темныхъ волосъ. Она была моложе мужа лѣтъ на 20. Но
той элегантной свѣтскости, которая сквозила въ каждомъ же-
стѣ мужа, у нея не было и слѣда. Мнѣ она показалась орди-
нарной, но, вѣроятно, очень богатой помѣщицей — шеголи-
хой. Обмѣнялись привѣтствіями, и мы съ докторомъ по очере-
ди приложились къ ручкѣ г-жи Пушкиной.

— Господа! Обѣдъ будетъ только черезъ полчаса, а пока
вы, можетъ быть, хотите посмотрѣть домъ, хотя въ немъ нѣтъ
ничего интереснаго, или пожелаете взглянуть на хозяйство
Григорія Александровича? Михайловское славится чуднымъ
птичьимъ хозяйствомъ...

Пріѣхать въ Михайловское, чтобы смотрѣть индюковъ и
куръ — это была странная идея, и въ душѣ мы предпочли ог-
раничиться домомъ. Но и домъ былъ новый, не пушкинскій, и
все въ немъ было устроено по вкусу нынѣшней г-жи Пушки-
ной.

И все-таки одно сознаніе, что гдѣ-то здѣсь, хотя и не въ
этихъ стѣнахъ, но здѣсь, былъ написанъ «Борисъ Годуновъ»,
какъ-то приподнимало душу.

— Вы помните, докторъ — сказалъ я, — что когда Пуш-
кинъ окончилъ «Бориса», онъ гдѣ-то тутъ заперся на всю ночь
въ комнатѣ и самъ себя вслухъ прочиталъ всю трагедію отъ
начала до конца. И когда дочиталъ, то самъ себя погладилъ
по головѣ и сказалъ: — «Ай-да Пушкинъ...».

— Да? Онъ это сказалъ? — живо переспросила г-жа Пуш-
кина. — Гриша, слышишь, ха-ха? Когда Пушкинъ окончилъ...
что онъ окончилъ?

— «Бориса Годунова».

— ....«Бориса Годунова», онъ самъ себя погладилъ по го-
ловѣ и сказалъ: «Молодецъ Пушкинъ»...

— Да? Дѣйствительно сказалъ? — переспросилъ и Григоріѣ Александровичъ.

Мы прошли рядъ комнатъ — уютныхъ, хорошо меблированныхъ — и очутились на крыльцѣ, которое выходило къ озеру.

— Какой просторъ! Какая ширь!..

Передъ нами раскинулось огромное, скованное льдомъ озеро, и на много верстъ кругомъ все было видно, какъ на ладони.

— Вотъ вамъ Тригорское, — объяснилъ мнѣ докторъ, — видите постройки?

Я узналъ Тригорское по оперной декорации Маринскаго театра.

— А вотъ тѣ старые - старые дубы на берегу, видите? И рядомъ черная, покосившаяся избушка стоитъ, видите? — объяснялъ мнѣ докторъ. — Это старая баня, гдѣ, какъ говорятъ, Пушкинъ написалъ нѣсколько главъ «Евгенія Онѣгина». Лѣтомъ тамъ удивительно красиво.

— Да? Онъ тамъ писалъ? — опять заинтересовалась г-жа Пушкина. — Гриша, слышишь? Докторъ говоритъ, что Пушкинъ въ банѣ написалъ «Евгенія Онѣгина»...

Для меня было ясно, что Пушкина въ Михайловскомъ забыли и рядомъ съ этой щеголеватой барыней, рядомъ съ этой Пушкиной, я какъ-то потухъ и поблекъ... Не хотѣлось съ Пушкиными говорить о Пушкинѣ...

— Читала ли она, по крайней мѣрѣ, сочиненія поэта? Можетъ быть читала, а можетъ быть, и не читала. Во всякомъ случаѣ, не все...

— А сынъ?.. Что-жъ, ему было только три года, когда убили отца. По рожденію — онъ Пушкинъ, но по воспитанію — Ланской...

— Господа! Я озябла, идемъ обѣдать — пригласила насъ г-жа Пушкина.

— Давно, очень давно все это было и моя поѣздка въ Михайловское теперь вспоминается мнѣ, какъ сонъ — далекій, но прекрасный сонъ. Сынъ Пушкина, Григорій Александровичъ, уже умеръ. Не знаю, жива ли его жена. Думаю, что отнесли давно на

кладбище и всѣхъ михайловскихъ и свято-горскихъ крестьянъ, которые когда-нибудь видѣли поэта. Время сдѣлало свое дѣло и, какъ листья съ дерева, осыпались всѣ современники Пушкина.

Выросло новое поколѣніе внуковъ и правнуковъ.

Не умерла и не состарилась только поэзія Пушкина. Его слово живетъ, и ни грохотъ политическихъ бурь, ни неблагодарность потомковъ не могутъ заглушить это вѣщее, это огненное слово.

Время какъ будто не имѣетъ власти надъ Пушкинымъ. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, онъ «обновляется», какъ икона, и все глубже вросается въ русскую исторію.

Сыновья знали Пушкина меньше, чѣмъ знаютъ внуки, и внуки будутъ знать меньше, чѣмъ правнуки.

Пушкинъ — «обновляется» и нѣтъ конца его власти надъ русскимъ сердцемъ и умомъ.

И здѣсь, въ изгнаніи, онъ тоже остается съ нами. Какъ святой огонь съ родной земли, мы принесли его на чужбину и на чужбинѣ согрѣваемъ сердце его тепломъ.

И внукамъ и правнукамъ онъ говоритъ:

— Время несчастій и униженій народныхъ проходитъ. Не бываетъ такихъ бурь, послѣ которыхъ въ небѣ гаснетъ солнце на вѣки. Не забывайте, что вы — русскіе и что въ вашей исторіи есть много свѣтлыхъ и славныхъ страницъ. Только отъ васъ зависитъ вписать въ эту исторію еще новыя гордыя и смѣлыя страницы.

— И вы ихъ напишете, если сохраните въ вашемъ сердцѣ чистый огонь любви къ вашей великой родинѣ...

Александръ Яблоновскій.

ЛОМОНОСОВЪ ОТРОКЪ

I.

Надъ палубой крутою
Рыбацкой шхуны «Чайка»
Волнистою фатою
Клубятся облака,
И сѣверныя волны
Шипятъ и тускло блещутъ,
И, разступаясь, плещутъ
Въ дубовые бока.

**
*

Порою мысъ горбатый, —
Усѣянъ голышами, —
Мелькнетъ спиной покатою
И пѣнистой каймой,
Да сосенки на взгорьѣ,
Распластаны на части,
Поклонятся сквозь снасти
И сгинуть за кормой.

**
*

У мачты мальчикъ зоркій
Сидитъ и смотритъ въ море:
Встаютъ и льются горки
Расплавленнымъ стекломъ...
Онъ напѣвомъ пѣсни,
Согласными рядами,
Плывутъ-плывутъ грядями,
Поютъ морской псаломъ.

**
*

Сквозной игрой лучистой
Заголубѣла льдина...
Куда стремится льдистый
Сверкающій алтарь?
А подъ кормой изъ влаги,
Блеснувъ спиною гладкой,
Взвилась косою складкой
Невѣдомая тварь.

**
*

Такъ рано сникло солнце....
И парусъ вздулся туже.
Мерцають веретенца
Безчисленныхъ свѣтилъ.
И мальчикъ смотреть-смотреть:
Кто мудрый, въ синемъ мракѣ
Исчислить Божьи знаки,
Ихъ горній путь и пыль?

**
*

Всталъ мѣсяцъ въ дымномъ свѣтѣ...
Горитъ фонарь на бакѣ.
Отецъ готовитъ сѣти,
И рыбаки молчатъ.
Кто отроку расскажетъ
О чужеземныхъ странахъ,
О теплыхъ океанахъ,
Про звѣздный вертоградъ?

**
*

Въ огромномъ Божьемъ домѣ —
Подводныя теченья,
Луна въ полночной дремѣ,
Цвѣтенье льдистыхъ глыбъ...
Тамъ въ городахъ далекихъ
Есть книги, карты, школы,
А здѣсь лишь парусъ голый,
Да груды влажныхъ рыбъ....

II.

Игрушка непогоды,
 Заплыль фрегатъ заморскій
 Въ невѣдомыя воды,
 Къ холоднымъ берегамъ.
 Вверху — грядою скалы,
 Внизу, бѣдны и грубы,
 Поморскихъ хижинъ срубы,
 Да птицъ полярныхъ гамъ.

***
 *

Юнецъ со шхуны «Чайка»
 Плыветъ къ фрегату въ шлюпкѣ, —
 У ногъ сѣдая лайка
 Сидить, задравши носъ.
 По лѣсенкѣ висячей
 Вскрабкался онъ лихо,
 За нимъ, качаясь тихо,
 Пушистый лѣзетъ песъ.

***
 *

Матросы гостю рады,
 И песъ такой забавный...
 Точеныя наяды
 Круглятся на носу.
 Веселый рыжій юнга
 Взялъ мальчика за плечи.
 Слова нерусской рѣчи,
 Какъ щебетъ птицъ въ лѣсу.

***
 *

Трапъ внизъ и входъ, какъ норка...
 Ступеньки, переходы, —
 Приплывшій въ шлюпкѣ зорко
 Глядитъ по сторонамъ.
 А рядомъ юркій юнга
 То вверхъ, то внизъ ныряетъ,
 Смѣется, словно лаетъ,
 Бьетъ лапой по штанамъ.

**
*

Средь низкой, темной залы
Забавный гость ни съ мѣста, —
Напрасно рыжій малый
Прочь тянетъ за кафтанъ...
Нагнутой ножкѣ глобусъ!
На полкахъ книжекъ горы,
И мѣдные приборы,
И карты звѣздныхъ странъ!..

**
*

Но буквы непонятны...
Онѣ, какъ кладъ зарытый, —
Слова — нѣмыя пятна
На корешкахъ тугихъ.
Въ глазахъ вскипаютъ слезы...
Очнулся отрокъ русскій
И лѣстницею узкой
Поднялся и притихъ.

**
*

Глухонѣмымъ чурбаномъ
Простился съ рыбаками.
На западѣ багряномъ
Суровая печаль.
Скрипятъ и гнутся весла.
Къ ногамъ прижалась лайка,
И съ дѣтскимъ плачемъ чайка
Метнулась къ тучамъ вдаль.

**
*

Подмокла соль въ лукошкѣ, —
Пускай бранятъ на шунѣ...
Лучъ въ облачномъ окошкѣ,
Какъ смутный, дальній зовъ...
Въ душѣ зардѣлся факель,
И тысячи вопросовъ
Плывутъ изъ за утесовъ,
Изъ за глухихъ лѣсовъ!

III

Надъ кровлей вьются хлопья,
 Снѣга шипять - дымятся,
 И весла, словно копья,
 Чернѣють у стѣны.
 Съ сугробовъ, съ крышъ, съ заборовъ
 Несется пыль сѣдая,
 И вьется, осѣдая,
 Вдоль Сѣверной Двины.

**

Передъ оконцемъ снѣжнымъ,
 Въ пустой избѣ мерца,
 Горитъ тюльпаномъ нѣжнымъ
 Огарокъ восковой.
 Надъ книгой — тихій отрокъ...
 Буранъ стучится въ сѣни.
 По балкѣ ходятъ тѣни.
 Въ трубѣ протяжный вой.

**

Въ ногахъ медвѣжья полость...
 Весь вечеръ — безъ попрековъ:
 Отецъ уѣхалъ въ волость,
 А мачеха въ гостяхъ.
 Въ грамматикѣ славянской
 Перечиталъ всѣ строчки.
 Въ углу, какъ грибъ на кочкѣ,
 Спитъ лайка на сѣтяхъ.

**

Треща погасла свѣчка.
 Влѣзъ мальчикъ на полати.
 Подъ полостью въ колечко
 Свернулся, словно котъ.
 Въ часы ночного мрака
 Въ душѣ встаетъ чредою,
 Какъ звѣзды надъ водою,
 Знакомый хороводъ:

**

Чудесный залъ фрегата, —
 Приборы, книги, глобусъ!
 Скелетъ морского ската,
 Полярный снопъ огней...
 И Сухарева Башня
 Съ петровской школой новой, —
 Заѣзжій гость торговый
 Рассказывалъ о ней.

**

И въ часъ ночного бдѣнья
 Срывается молитва:
 «Ты, Свѣтъ и Утѣшенье,
 Опора слабыхъ силъ!
 Въ меня вдохнулъ Ты жажду, —
 Тебѣ-ль ее отринуть?..
 Не дай во мракѣ сгинуть
 И утоли мой пылъ...

**

Мятель поетъ все тише,
 Подъ полостью такъ жарко.
 Въ ларѣ скребутся мыши,
 Проснулись пѣтухи.
 И въ головѣ безсонной
 Плывутъ-плывутъ рядами
 Размѣрными ладами
 Невнятные стихи...

**

Трески сушеной вязки
 Шуршать въ сѣняхъ на стѣнкѣ.
 У проруби салазки
 Опять забылъ убраться...
 «Въ Москву!» — вздохнула вьюга,
 «Въ Москву!» — шепнули мыши,
 И снѣжный дѣдъ на крышѣ
 Гудитъ: «бѣжать, бѣжать...»

А. Черный.

1928. Парижъ.

II.

РУССКІЙ ПУТЬ

Исторія русскаго просвѣщенія начинается съ Крещенія . Руси. Языческое время остается за порогомъ русской исторіи. Это не значитъ, что не было языческаго прошлаго. Оно было, и поблѣднѣвшіе, но не стершіеся до конца слѣды его надолго сохраняются и въ памяти народной, и въ народномъ складѣ. Но только съ Крещеніемъ пробуждаются тѣ творческія силы народа. Принятіе вѣры Христовой вводитъ Русь въ живую связь и взаимодѣйствіе съ окружающимъ культурнымъ міромъ. Русь становится ученицею и наслѣдницею древней Византіи, и получаетъ отъ нея великое и многоцѣнное сокровище религіозной, православной культуры. Первые русскіе учителя, это — пастыри и учителя Церкви, первыя школы — храмы и монастыри. Подъ вліяніемъ Евангельскаго ученія медленно перерождается и складывается народный характеръ, и въ русской душѣ слагается тотъ высокій и строгій нравственный идеалъ, который такъ ярко и такъ четко раскрывается и на столбцахъ первой русской лѣтописи, и въ наставленіяхъ древняго русскаго князя, Владиміра Мономаха.

Въ жизни народа есть свои возрасты, свои ступени. И даже въ періоды высшаго расцвѣта дѣйствительность никогда не равняется съ идеаломъ. Послѣднія цѣли никогда не достигаются до конца. Всегда остается, что дѣлать, къ чему стремиться. Всегда многое остается впереди, и въ этомъ залогъ и свидѣтельство полноты живыхъ силъ, крѣпости и мощи. Путь историческаго творчества не есть путь развитія, но путь подвига и напряженнаго труда. Удачи и неудачи, побѣды и пораженія здѣсь чередуются и смѣняютъ другъ друга. И есть своя послѣдовательность въ историческихъ дѣлахъ и задачахъ. На зарѣ русской исторіи въ народной душѣ ярко загорѣлся призывный образъ Святой Руси, и къ нему прилѣпилась и русская мощь, и русская любовь, и русская воля. Русь захотѣла стать христіанскимъ народомъ, и въ своемъ бытіи, и въ своей жизни явить примѣръ вѣрности завѣтамъ Христо-

вымъ. Многое сбылось и свершилось изъ желаннаго и избраннаго, многое не удалось, и что удалось, свершилось не сразу.

Первое и великое историческое дѣло, это — русскій языкъ. По жѣткому слову одного русскаго поэта, «языкъ есть исповѣдь народа»... Языкъ живетъ и складывается постепенно въ творческомъ и общемъ трудѣ. И во внѣшнемъ строѣ и въ запасѣ словъ сказывается и выражается народная дума. Бѣдность языка свидѣтельствуеъ о бѣдности внутренней жизни, и богатство, полнота духовнаго творчества отражается въ словѣ, создаетъ и животворяетъ его. Когда есть что сказать, находятся и слагаются слова... Здѣсь есть свои трудности, бываютъ муки слова; отъ полноты души уста иногда глаголютъ, но иногда и нѣмѣютъ, и завѣтное остается недосказаннымъ... Многое хотѣлось сказать и было что сказать русскому народу, и въ напряженной исповѣди сложился нашъ гибкій, упругій, звучный языкъ. На немъ чутко звучать молитвенные призывы и хвалебныя славословія, покаянныя признанія и свѣтлая радость. На немъ описываются безпредѣльные просторы нашей родины, героическія дѣла и тяжкія испытанія. Есть слова и звуки для яркихъ образовъ, для душевныхъ думъ, для высокихъ созерцаній, для самыхъ отвлеченныхъ понятій. И все, что когда либо звучало въ челоувѣческой душѣ и просилось на уста, можно вѣрно сказать по русски. Въ гибкости и богатствѣ слова открывается чуткость и полнота души ко всему отзывчивой, доступной для всѣхъ впечатлѣній бытія. Языкъ творится и живетъ въ литературѣ. Литература есть цѣлый міръ отражений мощи, и чувства, и воли. И русская литература въ цѣломъ, начиная отъ народнаго эпоса и вплоть до произведеній недавняго прошлаго, есть нѣкая историческая эпопея, историческая исповѣдь народа, памятникъ и свидѣтельство его жизни, его завѣтовъ, его стремленій. Въ ней отражаются всѣ живннныя тревоги и противорѣчія... Это опытъ народнаго самопознанія. Въ великихъ памятникахъ русскаго слова открывается народная душа. И то же нужно сказать и о художественномъ творчествѣ вообще. Русскій геній прежде чѣмъ заговорить въ словѣ, заговорилъ въ краскахъ, и уже въ древнія времена русская душа сумѣла выразить и воплотить свои высшія созерцанія и упованія, идеалъ жизни и идеалъ красоты въ неувядающихъ образахъ русской иконы. Русская икона, теперь снова оживающая въ творческой жизни, есть вѣрный свидѣтель того, къ чему стремился, чему молился, что видѣлъ и познавалъ русскій духъ.

И второе историческое дѣло, это — сама Россія, ея великое державное тѣло, русское государство. Строилось оно и слагалось вѣками,

въ совокупномъ народномъ подвигѣ и трудѣ. И прежде всего это былъ завоеваніе безмѣрныхъ просторовъ, безводной степи, дикаго поля, дремучей чащи, ледяныхъ болотъ... Полудикая страна въ напряженномъ трудѣ превратилась въ благословенное жилище. И въ этомъ подвигѣ племѣ стало народомъ, цѣльнымъ и единымъ не только по крови, но и по судьбѣ, и по единому духу. Не внѣшними скръпями и связями, но какою то внутреннею волею, необоримой и мощной, великая земля стала единою землею... И непреложно это живое единство. Но въ строительствѣ родной земли и державы народный духъ не исчерпывалъ себя, и земными побѣдами не удовлетворялся. Ибо воля горѣла не только пафосомъ величія, но и пафосомъ правды, и любила не только Великую Россію, но больше всего праведную и Святую Русь. Народно-державное творчество вдохновлялось не идеаломъ житейскаго благоустройства, но мечтою о праведной жизни и праведной землѣ. Сквозь русскую исторію проходитъ неизмѣнное народное сознаніе, что все жизненное дѣланіе подлежитъ высшему суду и оцѣнкѣ, суду Божіей правды. Любовь къ отечеству рѣдко перерождалась въ самодовольство и въ народную гордость. Чаше она утончалась въ строгомъ судѣ надъ собою. Образъ Третьяго Рима заслонялся въ народномъ сознаніи и волѣ грезой о Китежѣ градѣ, праведномъ и благословенномъ, по милости Божіей укрывомъ до времени въ прозрачныхъ водахъ святого озера.

Къ единой правдѣ призваны всѣ народы. Но каждый долженъ выразить и воплотить ее по своему, самого себя созидая и устроая въ живой храмъ правды. Въ этомъ основаніе и смыслъ народнаго своеобразія и многообразія. Каждый народъ, какъ и каждая личность, долженъ самъ возрасти и сложиться, — въ самодѣятельности, въ самоопредѣленіи. И каждому данъ свой даръ, свой талантъ, и уже этимъ поставлена особая задача. Задача не только въ томъ, чтобы развить или раскрыть врожденный талантъ, явить свое прирожденное лицо, — но еще болѣе въ томъ, чтобы внести свой вкладъ въ живой историческій оборотъ, обогатить вселенскую жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ свое особое дѣло превратить въ общее дѣло, въ дѣло служенія вѣчной правдѣ и добру. На Руси это всегда чувствовали. Народы призваны не къ замкнутости и обособленности, но къ живому братству и общенію. Въ народномъ творествѣ строится общечеловѣческая культура, — не въ томъ смыслѣ, конечно, что подавляются особенныя черты ихъ, напротивъ, частное вводится въ общеобязательное. Подлинное народное творчество имѣетъ вселенскій смыслъ тогда и потому, что оно есть творчество для всѣхъ, воплощеніе вѣчныхъ цѣнностей и началъ. На этомъ основано культурно-исто-

рическое преемство и общеніе. Ибо подѣ мѣстными и временными формами или, лучше сказать, въ нихъ самихъ и съ ними нераздѣльно состоясь открывается въ исторіи вѣчное и общее. Въ живомъ сознаніи вѣчныхъ цѣнностей чужого культурнаго творчества, въ любовномъ уваженіи чужого культурнаго подвига и труда русскій геній питался имъ, усваивалъ его. И Россія вошла въ живое общеніе христіанскаго міра. Не сразу и нелегко нашла она здѣсь свое мѣсто, и, можетъ быть, еще и не нашла вполне. Но лучшіе люди русской земли съумѣли разслышать чистые звуки Европейской культуры, и откликнулись на нихъ со вниманіемъ и любовью. Чужой опытъ пережить. Теперь все громче звучитъ русскій голосъ, и его начинаютъ слушать и понимать.

Прошлое въ себѣ таитъ задачи будущаго. Всегда оно незакончено. Но будущее открыто только на основѣ преданій. Велики русскіе преданія, часто героическія, часто тревожныя. Вникая въ нихъ, слушая ихъ, мы найдемъ, мы откроемъ нашъ новый путь.

Георгій В. Флоровскій.

1928 - III. 4-17.

ТИХОЕ СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

(Преподобный Сергій Радонежскій)

Какой-то крестьянинъ пришелъ посмотрѣть на знаменитаго игумена Сергія, о высокой жизни и мудрости котораго отъ деревни къ деревнѣ, отъ села отъ селу шла стоустая молва, посмотрѣть на основанный имъ монастырь. Пришелъ и разочаровался.

Бревчатыя убогонкія келіи... Шумить надъ ними первобытный лѣсъ. Вокругъ церкви торчатъ свѣжіе пни, валяются необрунныя стволы срубленныхъ деревьевъ. Въ деревянной церковкѣ частенько нѣтъ вина для литургіи; заутрени, вмѣсто свѣчей, поютъ съ лучиной березовой или сосновой. «Въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатить на сермяжной ряскѣ игумена. Чего ни хватись, всего нѣтъ; случается что вся братія по цѣлымъ днямъ сидитъ чуть не безъ куска хлѣба» (Ключевскій). И смотрѣть то не на что — «все худостно, все нищетно, все сиротинско» разочарованно вздыхаетъ любопытствующій мужичекъ. Но, можетъ быть, самъ игумень представляетъ что-то необыкновенное, можетъ быть, онъ «окруженъ отроками предстоящими и слугами скороришущими (торопливо, поспѣшно бѣгающими) и множествомъ служащихъ или честь вѣдающихъ». Мужичекъ проситъ показать игумена. Говорятъ: «подожди, копаетъ гряды на огородѣ». Крестьянинъ побѣжалъ къ огородному забору и приникъ къ скважинѣ. Какой-то даже не монахъ, а просто монашенокъ въ изодранной, пѣглой («пелесоватой»), въ заплаткахъ ряскѣ копаетъ гряду. «Гдѣ же — въ недоумѣніи обращается крестьянинъ къ монахамъ — игумень?» Онъ даже обидѣлся — ему показалось, что монахи просто-на-просто надъ нимъ потѣшаются... Потомъ, когда ему удалось лично побесѣдовать съ св. Сергіемъ, любопытствующій мужичекъ все забылъ, по новому на міръ Божій взглянулъ и «спустя нѣкоторое время, принялъ монашество въ монастырѣ Сергіевомъ».

Этотъ случай изъ жизни св. Сергія Радонежскаго — живой образъ того, какъ дѣйствуетъ въ мірѣ святость, образъ того тихаго, незамѣтнаго, но неизгладимаго вліянія, которое оказалъ на русскую культуру, на русскую исторію тихій и кроткій игумень обители Радонежской.

Св. Сергій родился, когда вымирали послѣдніе живые свидѣтели татарскаго разгрома Русской земли. До боли, до галлюцинацій живо было еще впечатлѣніе ужаса, оставленное этимъ всенароднымъ бѣдствіемъ. Мать пугала непокойнаго ребенка злымъ татаринѣмъ; только услышавъ это злое слово, взрослые бросались бѣжать, сами не зная куда. «Внѣшняя с л у ч а й н а я бѣда грозила превратиться во внутренній постоянный недугъ: безграничный, животный ужасъ одного поколѣнія могъ развиваться въ народную робость, въ черту національнаго характера» (Ключевскій).

Два поколѣнія русскихъ людей смѣнились, прежде чѣмъ создалась почва для народнаго возрожденія. Многочисленные русскіе князья холопствовали предъ татарами, дрались другъ съ другомъ, истощали и безъ того скудныя силы земли русской. Казалось, никогда не займется заря освобожденія.

Въ эту же эпоху, въ началѣ 40-хъ годовъ XIV в. совершились три непримѣтные по внѣшности, но великія по своему значенію и вліянію на всю послѣдующую исторію Россіи событія: скромный инокъ московскаго Богоявленскаго монастыря Алексій становится митрополитомъ Московскимъ; двадцатилѣтній искатель пустыннаго, монашескаго житія, Варфоломей, будущій преподобный Сергій, удалившись въ лѣса Радонежскіе, поставилъ свою деревянную келію съ такой же церковкой при ней; на далекомъ сѣверѣ въ городѣ Устюгѣ у бѣднаго соборнаго дьячка родился сынъ, св. Стефанъ (Пермскій), будущій просвѣтитель сѣверо-востока Россіи свѣтомъ зари Христовой.

Все совершается скромно, потаенно, ускользаетъ отъ внѣшняго наблюденія, а между тѣмъ уже совершился переломъ въ исторической судьбѣ Русскаго народа, уже родилась н о в а я Россія.

Каждый изъ трехъ праведниковъ - современниковъ трудился въ своей области, творилъ свой подвигъ; жилъ не для себя, а только для Бога, для Христа; каждый изъ нихъ дѣлалъ дѣло своего собственнаго душевнаго спасенія. «Дѣятельность каждаго текла своимъ особымъ русломъ, но направляемая таинственными историческими силами, въ видимой работѣ которыхъ вѣрующій умъ прозрѣваетъ міродержавную дѣсьницу Провидѣнія, она текла въ одну сторону, приводила къ общей цѣли». (Ключевскій).

«Митрополитъ Алексій былъ преемственно главнымъ совѣтникомъ трехъ великихъ князей московскихъ, руководилъ ихъ боярскою думой, ѣздилъ въ орду (къ татарамъ) ублажать хановъ, съ неослабной энергіей отстаивалъ значеніе Москвы, какъ единственнаго церковнаго

средоточія всей политически разбитой московской земли». Св. Стефанъ уроженецъ г. Устюга, гдѣ русская культура вовлекла въ свой потокъ туземное населеніе — «чудь бѣлоглазую», создавала изъ нея новую Русь, предпринялъ дѣло просвѣщенія свѣтомъ христовой вѣры заволжскихъ инородцевъ... Но самый значительный подвигъ совершилъ Св. Сергій Радонежскій, совершилъ не думая ни о самомъ подвигѣ, ни о величїи того дѣла, которое просто, «какъ рабъ неключимый» (негодный) творилъ онъ.

«Чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство, ввести инородцевъ въ ограду христіанской церкви, для этого русскому обществу должно было стать въ уровень столь высокихъ задачъ, приподнять и укрѣпить свои нравственные силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и уныніемъ. Этому дѣлу, нравственного воспитанія народа и посвятилъ свою жизнь преп. Сергій». (Ключевскій).

Внѣшними средствами, механическимъ воздѣйствіемъ тутъ трудно чего либо добиться. Поученія, разсужденія тоже плохо помогаютъ: — нужно добиться измѣненія самаго центра духовной жизни, нужно добиться преображенія человѣческаго сердца. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ является живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственного правила. Св. Сергій началъ съ себя.

Тяжелымъ подвигомъ уединеннаго житія, исполненнымъ трудовъ и лишеній, постоянной заботой о чистотѣ своего сердца, Св. Сергій достигъ того, что сталъ «жилищемъ Св. Троицы», что въ него «вселился Пресвятой духъ».

Образъ Св. Сергія засіялъ такой влекущей человѣческія сердца красотой, что тихій, бѣгавшій міра Игуменъ Радонежскій, сталъ для своей родины все согрѣвающимъ солнцемъ...

Къ нему потянулись сначала тѣ, чье сердце было наиболѣе чутко, тѣ, кто уже тосковалъ о красотѣ святости, но еще не зналъ пути-дороги къ ней. Близъ утопавшей въ лѣсномъ морѣ убогой келейки пустынножителя появилась другая, третья, возникла цѣлая монастырская община. Св. Сергій повелъ ежедневную, дробную, терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждого брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства». Св. Сергій былъ для нихъ поваромъ, печаремъ, мельникомъ, дровоколомъ, портнымъ, плотникомъ, какимъ угодно трудникомъ», служилъ собравшимся, «какъ рабъ купленный», ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха»... Онъ «не спускалъ глазъ съ каждого новика (вновь при-

пешаго въ обитель), указывалъ дѣло каждому по силамъ, ночью дозоромъ ходилъ мимо келій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснѣть, «тихой и кроткой рѣчью вызывалъ въ нихъ раскаяніе безъ досады» (Ключевскій).

Неслышно, «потаенно», вздохъ за вздохомъ, за слезинкой слеза за слезой, усиліе за усиліемъ, воспиталось дружное братство.

Братство сотрудниковъ и учениковъ Св. Сергія поражало вниманіе современниковъ. Міръ приходилъ къ монастырю съ пытливыми глазами, съ недоувѣрчивымъ сердцемъ и видѣлъ, что «всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ», что «каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой, всѣ молятся послѣ работы». «Во всѣхъ чувался скрытый огонь, который безъ искры и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступалъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Міръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный, освѣженный, подобно тому, какъ мутная волна, прибывъ къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ примѣсь, захваченную въ неопытномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей».

Цѣлые полвѣка приходили сюда люди, черпали здѣсь утѣшеніе и ободреніе и, воротясь къ себѣ, погрузившись въ обыденную жизнь, по каплямъ дѣлились унесеннымъ съ другими.

«Примѣромъ своей жизни преп. Сергій поднималъ упавшій духъ родного народа, пробуждалъ въ немъ довѣріе къ своимъ силамъ, вдохнулъ въ ру въ свое будущее». Подвигъ Св. Сергія Радонежскаго открылъ русскимъ людямъ глаза на самихъ себя, помогъ имъ заглянуть въ свой собственный внутренний мракъ и разглядѣть тамъ все еще тлѣвшія искры того же огня, которымъ горѣлъ озарившій ихъ свѣточъ». (Ключевскій).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого внутреннего чуда — такъ какъ такое проявленіе духовнаго вліянія всегда было и будетъ чудеснымъ, творческимъ актомъ, источникомъ котораго всегда была и будетъ вѣра — было не менѣе чудесное внѣшнее, историческое чудо: «народъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ навалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями». Преп. Сергій бла-

гословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ — «иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебаній и побѣдишь». И этотъ молодой вождь былъ человѣкомъ поколѣнія, возмужавшаго на глазахъ преп. Сергія и вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Донскимъ бившагося на Куликовомъ полѣ.

Изъ поколѣнія, участвовавшаго въ куликовской битвѣ и его ближайшихъ потомковъ вышло до 150 основателей новыхъ монастырей. Бѣгство отъ міра, уходъ въ монастырь не былъ отказомъ отъ борьбы, показателемъ слабости и безсилія — уходъ въ монастырь вытекалъ изъ жажды болѣе высокаго, болѣе суроваго и чистаго подвига. «Русское монашество, скажемъ словами В. О. Ключевского, было отреченіемъ отъ міра во имя идеаловъ, ему непосильныхъ, а не отрицаніемъ міра во имя началъ ему враждебныхъ». Поэтому, въ древней Руси «стремленіе покидать міръ усиливалось не оттого, что въ міру скоплялись бѣдствія, а по мѣрѣ того, какъ въ немъ возвышались нравственныя силы».

Новые монастыри, основываемые богатырями духа, воспитывавшимися въ тихой и кроткой школѣ Сергіевой, не жмутся къ городскимъ стѣнамъ, не надѣются на людскую помощь. Съ вѣрой въ сердцѣ, съ молитвой на устахъ основатели новыхъ монастырей смѣло углубляются въ дремучія чащи лѣсовъ сѣверной и сѣверо-восточной Руси, основываются тамъ, куда, казалось бы — «воронъ костей не занашивалъ».

Русское населеніе, тѣснимое врагами, отодвигаясь къ сѣверо-востоку, заняло треугольникъ, образуемый верхнимъ теченіемъ Волги и линіей рѣки Оки и жалось здѣсь по берегамъ рѣкъ и рѣчущекъ, по немногимъ расчищеннымъ среди лѣсовъ и болотъ полянамъ. Къ югу, юго-западу и западу отъ этого треугольника лежали обширныя плодородныя пространства, но выходъ къ нимъ былъ запертъ татарами и Литвой. Оставался выходъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, по ту сторону Волги. Но страшно было пуститься въ бездорожныя, невѣдомыя дебри. Монахъ пустынный и пошелъ туда развѣдчикомъ. И Заволжье было завоевано, побѣждено, не мечемъ и огнемъ, а уединеннымъ монашескимъ подвигомъ, тихой постоянной молитвой, силой личной праведности.

Монастыри все дальше и дальше врубавшіеся въ сплошное лѣсное море сѣвера и сѣверо-востока становились опорными пунктами для крестьянской колонизаціи. «Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ, цѣпляясь за него и съ его помощью, заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ». Въ эту эпоху большинство населенія рѣдко долго сидѣло на одномъ мѣстѣ — расчищать

лѣсную поляну, сожгутъ срубленный лѣсъ, снимутъ съ удобренной золой земли два-три урожая и двинутся дальше, въ поискахъ новыхъ мѣстъ для новыхъ пашень. Бродячее населеніе осѣдало вокругъ монастырей; монастыри останавливали этотъ людской потокъ, какъ корни древесные останавливаютъ движеніе песчаной почвы.

«Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія, дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, который вдохнулъ въ русское общество Преподобный Сергій». (Ключевскій).

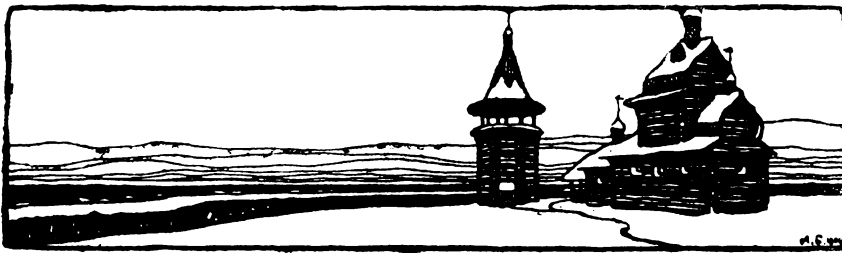
Въ 1392 году скончался преподобный Сергій; въ 1442 году черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ кончины были открыты его мощи, а въ 1447 или 48 году состоялось причисленіе его къ лику всероссійскихъ святыхъ. Смерть не имѣетъ силы надъ святыми — они и по смерти живы, живы уже на вѣки, пока существуетъ земля.

Милліоны и сотни милліоновъ русскихъ людей всѣхъ сословій, отъ царя до захудалаго крестьянина, отъ митрополита до послѣдняго дьячка — на протяженіи вѣковъ приходили къ гробницѣ св. Сергія, оставляли здѣсь свои горести, свои обиды, въ молитвѣ къ преподобному находили утѣшеніе, облегченіе, черпали бодрость и силы для дальнѣйшей жизни. Подъ сводами Троицкаго собора у тихаго съ сотнями вѣчно горящихъ лампадъ гроба преподобнаго творилась исторія Россіи, рождались и крѣпли духовныя силы, превратившія скромное московское княжество въ великую Россію.

Сейчасъ затворились врата Лавры, погасли лампы на гробницѣ св. Сергія, нетлѣнные останки его переданы въ музей.

Но св. угодникъ, изгнанный изъ созданной имъ Лавры, не покинулъ народа, изъ среды котораго онъ вышелъ... Но хотя и закрыта Лавра, хотя и молчатъ ея колокола, запыленные усталые паломники все бредутъ и бредутъ къ вратамъ Лавры. «Куда вы, — говорятъ имъ, — Лавра вѣдь закрыта, мощи въ музеѣ». «Ничего, батюшка, — отвѣчаютъ они: — мы около стѣнки постоимъ, а св. Сергій придетъ къ намъ». Вѣрить народъ, что Св. Сергій ходитъ по русской землѣ, укрѣпляетъ уставшія сердца, будитъ духъ бодрости, надежды, зоветъ къ вѣрѣ Христовой, къ Богу. А когда придетъ часъ, когда пополнится оскудѣвшій запасъ духовныхъ силъ народа, когда возстанутся растроченныя нравственныя силы, тогда, какъ въ дни куликовской битвы, Св. Сергій снова скажетъ народу: «иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебаній и побѣдишь».

И. Лаговскій.

НАРОДНОЕ ТВОР- ЧЕСТВО СѢВЕРА

Обыкновенно, когда говорятъ о русскомъ сѣверѣ, подразумѣваютъ, главнымъ образомъ, три губерніи, необъятную Архангельскую, громадную Вологодскую и Олонецкую; хотя, на самомъ дѣлѣ, и сѣверная часть Тверской губерніи, Новгородской и Костромской принадлежать къ тому же Русскому Сѣверу.

Это — край безконечныхъ лѣсовъ и большихъ и спокойныхъ рѣкъ, катящихъ свои воды на сѣверъ.

Западная часть сѣвера, Олонецкая губернія, испещрена неисчислимыми озерами и почти всѣ они носятъ имена слитныя со словомъ озеро, которое ставится въ концѣ, на примѣръ: Кенозеро, Сегозеро, Почозеро и т. д.

Въ Вологодской же губерніи зарождается рѣка Сухона; недалеко отъ города Великаго Устюга сливается она съ Вычегдой, текущей въ широкую и величавую царицу Сѣвера, Сѣверную Двину и несеть свои воды въ Бѣлое Море. Много рѣкъ впадаетъ въ нее, и всѣ онѣ вбираютъ въ себя воды многихъ и многихъ среднихъ и малыхъ рѣкъ, синими лентами извивающихся среди дремучихъ лѣсовъ, гдѣ и берутъ свое начало въ видѣ прохладныхъ и прозрачныхъ лѣсныхъ ручьевъ.

Деревни, села и города расположены вдоль по рѣкамъ, какъ нити бусъ, а между одной нитью и сосѣдней — сплошные лѣса. Поля и пашни тянутся узкой лентой вдоль рѣчныхъ береговъ, за деревнями, неглубоко внутрь страны, а потомъ начинается лѣсная стѣна, черезъ которую пробиты рѣдкія и трудно проѣзжія дороги, соединяющія одну рѣчную полосу селеній съ другой сосѣдней. Иногда приходится ѣхать верстѣ сто лѣсомъ отъ одной рѣки до другой. Лѣса — хвойные: ель и сосна; деревья громадные, уходящіе въ небо. Дороги плохія. Много топкихъ мѣстъ, и тогда онѣ бываютъ покрыты гатью, т. е. тонкими поперечными бревнышками въ ширину дороги, уложенными тѣсно одно къ другому. Больше, чѣмъ три версты въ часъ въ тарантасѣ по гати не проѣхать и трясеть неимоვნно.

Зато какое счастье, когда послѣ долгаго дня пути, ямщикъ, обернувшись назадъ, вдругъ скажетъ:

— Ну, скоро лѣсу конецъ!

Я помню, какъ я, лѣтомъ 1903 года, еще совсѣмъ юнымъ художникомъ, пробирался въ тарантасѣ на рѣку Кокшенгу въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Лѣсной перегонъ былъ безконечный; комары заѣдали; казалось, что никогда не окончится это царство вѣковых елей. Гать измучила окончательно. Было такое ощущеніе, что внутри тѣла оборвались и перемѣшались всѣ внутренности.

Дѣло было къ вечеру. Скоро долгій лѣтній сѣверный день долженъ былъ смѣниться бѣлою ночью; и вотъ, лѣсъ началъ рѣдѣть; ели точно разступились и мы выѣхали въ поле, въ глубинѣ котораго, отражая въ стеклахъ окошекъ раскаленный багрянецъ заката, виднѣлась деревня со старой рубленой деревянной шатровой церковью.

Навстрѣчу попало нѣсколько женщинъ; первые люди послѣ безконечнаго необитаемаго лѣса! Онѣ спокойно и съ достоинствомъ поклонились однѣми головами, не сгибая стана, и все вмѣстѣ, и тихій сѣверный вечеръ, и трудный лѣсной перегонъ, и усталость, и ожиданіе увидѣть эту Кокшенгу, о которой мнѣ такъ много говорили, какъ объ уцѣлѣвшемъ кускѣ старины, и абрисъ старинной деревянной церкви, столь мнѣ милый. и, наконецъ, этотъ спокойный и чинный, чисто русскій поклонъ встрѣчныхъ крестьянокъ, все это заставило меня на мгновеніе повѣрить, что я попалъ въ далекое прошлое время, въ XVII вѣкъ.

Безконечные и трудно проходимые лѣса и, вообще, трудность сообщеній и сохранили до нашихъ дней много старины на Русскомъ Сѣверѣ. Потому-то интересующіеся ею и любящіе ее и ѣздили туда и ѣздить до сихъ поръ.

Край заселенъ рѣдко, но живутъ крестьяне зажиточно, крѣпко и основательно: Крѣпостными никогда не были; были государственными крестьянами, а потому и поведка у нихъ спокойная и величаяя. Избы большія. Въ Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерніяхъ бываютъ онѣ въ два этажа; хоромы, а не избы! Крыты тесомъ; лѣсу много, лѣсное царство!

Наличники оконъ часто бываютъ рѣзные. Главное-же, что привлекаетъ любителя родной старины, это — старыя деревянныя церкви.

Наша страна, на протяженіи всей своей многотрудной исторической жизни, была, по преимуществу, деревянная.

Каменные церкви, каменные хоромы, каменные стѣны и башни были принадлежностью городовъ, гдѣ сидѣли князья или богатые знат-

ные люди, богатые и большіе монастыри тоже одѣвались въ камень; вся же громадная и необъятная Православная Русь была деревянной; и не только дома, не только церкви, но и городскія стѣны и башни рубились изъ дерева.

Налетали невзгоды, нашествія, а потомъ снова отстраивались, и воскресала изъ пепла деревянная Русь.

Къ сожалѣнію, ни одного деревяннаго дворца, ни однѣхъ богатѣйшихъ деревянныхъ хоромъ до послѣдняго времени уже не сохранилось.

До Екатерины II, т. е. до конца XVIII в. простоялъ Потѣшный Дворецъ царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвою. Его разобрали и снесли, но, къ счастью, передъ сносомъ, сняли подробные планы и чертежи, а въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ имѣется модель Коломенскаго Дворца, дающая точное воспроизведеніе этого замѣчательнаго деревяннаго архитектурнаго памятника XVII вѣка. Та-же участь постигла и другой, сохранившійся на гравюрахъ деревянный дворецъ, хоромы именитыхъ людей Строгановыхъ въ городѣ Сольвычегодскѣ.

Въ началѣ текущаго двадцатаго столѣтія старыхъ деревянныхъ «рубленыхъ» церквей было еще много. Конечно, это былъ очень незначительный остатокъ исчезающей старины, но все же до нашего времени уцѣлѣли прекрасные образцы древняго деревяннаго зодчества.

Эти деревянные церкви интересны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онѣ гораздо болѣе народны, чѣмъ церкви каменные. Церкви каменные строились зодчими, людьми болѣе свѣдущими, часто иностранцами, а церкви деревянные рубились плотниками, самимъ народомъ.

До насъ не дошли деревянные архитектурные памятники древнихъ временъ русскаго христіанства. Въ 988 году, по приглашенію Кіевского князя Владиміра Святославовича, византійцы крестили языческую Русь. Византійцы же были на Руси и первыми зодчими*). Они же были и первымъ духовенствомъ и первыми учителями и первыми художниками. Первые каменные церкви были византійскими церквами, построенными на русской почвѣ, но не въ пустынѣ онѣ строились, а въ городахъ и селеніяхъ, которые существовали и до русскаго христіанства. Люди жили крѣпко и осѣдло; у нихъ были и избы и хоромы, и было все это свое народное, но какъ оно выглядѣло, этого мы не знаемъ.

---

*) Интересно отмѣтить, что и до официального христіанства въ Кіевѣ уже со временъ княгини Ольги, бабки Владиміра, уже были христіанскія церкви.

Изба была, конечно, простою по формѣ; въ общемъ, такая же, какъ и теперь. Была разни́ца въ деталяхъ, а въ общемъ, это былъ тотъ же прямоугольный срубъ, покрытый двускатной крышей.

Но были и терема. Есть много указаній и въ былинахъ, и въ лѣтописяхъ и въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», что зданія эти существовали и были и сложны, и нарядны, но это, къ сожалѣнію, и все, что мы знаемъ.

Древнѣйшій русскій городъ называется Великимъ Новымъ Городомъ. Въ Новгородѣ сѣлъ княжить варягъ Рюрикъ въ 862 году; а имѣются византійскія хроники, гдѣ еще въ VIII вѣкѣ, т. е. за сто лѣтъ до Рюрика, при описаніи византійскаго черноморскаго торговаго города Ольвіи, расположенной недалеко отъ нынѣшней Одессы, разсказывается о разныхъ торговыхъ дорогахъ, шедшихъ въ разныя стороны изъ этого приморскаго города. Одна дорога, говорится въ этой хроникѣ, шла на Новгородъ. А разъ древнѣйшій русскій городъ называется Новымъ Городомъ, то значить до него былъ еще и другой какой то Старый Городъ. тоже русскій и тоже наполненный деревянными же строениями!

Деревянные церкви начали строиться съ первыхъ же лѣтъ христіанства. Камень былъ дорогъ, а дерева было много.

Внукъ Владиміра Святого, князь Владиміръ Ярославовичъ строить въ Новгородѣ въ 1045-1052 годахъ знаменитый каменный Софійскій соборъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1045 году сгорѣлъ дубовый рубленый храмъ «о тринадцати верхахъ», поставленный первымъ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ въ 989 году.

Это особенно интересно потому, что дерево былъ матеріалъ чуждый и незнакомый мастерамъ византійскимъ. Въ дѣлѣ постройки церквей деревянныхъ они могли отчасти надзирать, но строить изъ дерева не умѣли, и строили, значить, русскіе люди по своимъ исконнымъ строительнымъ правиламъ; и, если первыя каменные церкви были еще церквами совершенно византійскими, то уже первыя деревянные были своими русскими и во многомъ походили, вѣроятно, на древнѣйшіе деревянные терема.

Деревянные церкви, дожившія до нашихъ временъ не идутъ въ глубь старины дальше XVII вѣка. По преданіямъ, нѣкоторыя постройки будто бы и раньше, но это сомнительно. Несомнѣнно, что формы эти существовали и раньше, т. к. народное творчество медленно мѣняется излюбленныя очертанія на новыя. Напримѣръ, узоръ, орнаментъ,

съ необычайнымъ консерватизмомъ сохраняетъ иногда древнѣйшіе до- историческіе мотивы.

Существуетъ нѣсколько типовъ дошедшихъ до насъ деревянныхъ церквей.

Небольшіе размѣры данной статьи не даютъ возможности остано- виться на нихъ подробно.

Распространеннѣйшій, простѣйшій и, можетъ быть, древнѣйшій типъ, это — церковь типа избы съ крышею на два ската, съ неболь- шимъ куполомъ, поставленнымъ на цилиндрической шейкѣ (барабанѣ) по срединѣ ребра крыши. Храмы этого типа называются «клѣтскими». Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ чрезвычайно просты и скромны; нѣко- торые же, оставаясь въ основѣ принадлежащими къ этому типу, разви- ваютъ его въ очертанія болѣе сложныя и богатые. Иногда двускатная крыша дѣлается очень высокой и очень острой, что сильно напоминаетъ древнія скандинавскія постройки и что невольно наводитъ на мысль о взаимномъ вліяніи другъ на друга давнишнихъ сѣверныхъ сосѣдей, скандинавовъ и славянъ.

Но основной и главный типъ сѣверной русской деревянной церк- ви, это — церковь шатровая.

Национальное искусство каждого народа даетъ нѣкоторыя произ- веденія, которыя можно назвать откристаллизовавшимися формами на- роднаго творчества. Таковою является шатровая церковь. Деревянная Русь, это — изба и шатровая церковь. Она такъ же неотъемлема отъ зрительнаго представленія о древней Руси, какъ ель отъ сѣвернаго лѣ- са.

Она такъ же классична, стройна и прекрасна, какъ классична, стройна и прекрасна античная эллинская колонна, какъ строенъ и пре- красенъ мусульманскій минаретъ и, какъ прекрасно все, что выработа- лось и усовершенствовалось на основаніи законной долгой преемствен- ности въ искусствѣ.

Есть лѣтописныя указанія, что и этотъ типъ очень древенъ. Ша- тровая церковь называется въ лѣтописяхъ и актахъ «древяна вверхъ». Часто это бываютъ очень большія строенія, достигающія весьма зна- чительной высоты, что и включено въ слова «древяна вверхъ». Главное помѣщеніе для молящихся срублено «кругло», на самомъ дѣлѣ, въ ви- дѣ восьмерика, т. е. высокой восьмигранной башни. Кровельное покры- тіе восьмерика имѣетъ форму очень высокой и острой восьмискатной пирамиды, увѣнчанной главой. Эта форма пріобрѣла въ народѣ назва- ніе «шатра», а отсюда и — шатровый храмъ.

Къ восьмерику пристраивалась часть алтарная. Иногда эти церкви опоясывались разными галлереями и имѣли крыльца разнообразныхъ формъ*).

Бывали и соединенія церквей на два ската, «клѣтскихъ», съ рядомъ стоящими высокими шатровыми колокольнями.

Были и другіе типы деревянныхъ храмовъ, очень сложные и причудливые по очертаніямъ.

Нигдѣ, пожалуй, не приходится увидѣть такого размаха строительной фантазіи, какъ въ Кижѣхъ Олонецкой губ. Петрозаводскаго уѣзда. Еще издалека, подплывая къ этой церкви съ Онежскаго озера, различаешь нѣчто необычайное по своимъ архитектурнымъ формамъ; и когда, подплывъ ближе, видишь всю эту пирамиду нагроможденныхъ одна на другую главъ, то невольно начинаетъ казаться, что тутъ, и на самомъ дѣлѣ, преддверіе какого-то тридесятаго государства.

Кизи — погостъ на самомъ берегу Онежскаго озера. Церквей двѣ; обѣ деревянные; одна, старшая, имѣетъ двадцать двѣ главы, а другая, помоложе, девять.

Въ сумерки, особенно въ позднія, силуэты этихъ церквей на фонѣ лѣтней негаснувшей сѣверной зари даютъ чарующее зрѣлище.

Основной принципъ русскаго стариннаго деревяннаго зодчества тотъ, что въ немъ деталь никогда не загромождаетъ общаго. На первомъ мѣстѣ — общая форма. Если строеніе вычурно, то прежде всего оно вычурно по своему общему абрису, какъ напримѣръ, церковь въ Кижѣхъ. Украшеніе только слегка, какъ милая виньетка въ концѣ текста, подчеркиваетъ всю общую прелесть строенія. Украшеній, не имѣющихъ практическаго строительнаго значенія, нѣтъ. Благодаря этому, какая-нибудь шатровая церковь обладаетъ классическою строгостью въ смыслѣ соотношенія общаго съ его деталями. Ея строитель чувствовалъ (не отдавая себѣ отчета), что можно безъ боязни возвести сплошную большую по площади бревенчатую стѣну, и только кое-гдѣ украшалъ ее окошечкомъ, опоясывалъ внизу галлерею съ точеными балясинами, придѣлывалъ богатое по формѣ крыльцо; онъ чувствовалъ, что бѣдноты впечатлѣнія не будетъ и что избытокъ ненужныхъ нагроможденій фальшивъ и непріятенъ; у него было то гармоничное чувство

---

*) Интересующіеся всѣмъ многообразіемъ типовъ деревянныхъ русскихъ церквей найдутъ ихъ въ Исторіи Русскаго Искусства Игоря Грабаря, въ выпускахъ 3-мъ и 4-мъ.

мѣры, которое сказывается въ каждомъ настоящемъ серьезномъ стилѣ.

Про избу можно въ общемъ, сказать то же, что и про деревянную церковь, потому что и та, и другая имѣетъ того же создателя: народъ. Одно только, что избѣ, «ровесницѣ» стариннымъ церквамъ, не существуетъ. Церковь, какъ достояніе общественное, несмотря на передѣлки, все же пользуется нѣкоторой долей неприкосновенности, тогда какъ изба, какъ помѣщеніе жилое, очень скоро снашивается, и одна старая видѣла цѣлую вереницу смѣнившихся поколѣній избъ.

Особенно старыхъ избъ, вообще, не бываетъ. Изба начала XIX в. — громадная рѣдкость.

Изба проще церкви. Ея основной строительный принципъ всегда одинъ и тотъ-же, и таковымъ онъ былъ, надо полагать, и во времена доисторическія; но избы обладаютъ иногда необычайно красивыми и разнообразными подробностями, какъ напримѣръ, крыльца и наличники оконъ. Таковъ въ общихъ чертахъ внѣшній видъ построекъ Русскаго Сѣвера.

Но не только этимъ онъ интересенъ. На сѣверѣ до начала текущаго вѣка сохранились еще большіе запасы предметовъ народного обихода. Сохранилась разная хозяйственная утварь, старинная праздничная одежда, которую уже почти не носили, надѣвая ее только на свадьбу, на Святой Недѣлѣ или въ Петровъ день; да еще старушки сохраняли старые наряды, чтобы въ нихъ быть похороненными.

Полотенца, ширинки, концы простынь, подола рубахъ разукрашивались прежде различными вышитыми узорами.

Еще въ царствованіе Александра II народный узоръ былъ въ полномъ ходу. Лѣтъ двадцать тому назадъ пожилыя бабы еще помнили, какъ онѣ вышивали дѣвицами все то, что теперь уже окончательно вымерло.

Мнѣ приходилось встрѣчать старухъ, не матерей, а бабушекъ, которыя, когда я начиналъ съ ними разговоры о ихъ старыхъ узорахъ, сперва не понимали, что отъ нихъ требуется, а послѣ, понявъ, что разговоромъ руководить одинъ только интересъ, увлекались и начинали съ любовью рассказывать, какъ эти «досельные», т. е. старинные узоры переходили отъ матери къ дочери, что вотъ этотъ-то узоръ назывался такъ-то, а тотъ — такъ-то, что та деревня вышивала на своихъ рубахахъ узоры такого то образа, напримѣръ, «кудри», другая — другого, «козыри», а третья — третьяго, «мельничныя перья» и т. д. Теперь уже дескать такъ не сработать, потому что времена не тѣ; теперь

все бы поскорѣе да помогли... и много еще о чемъ ворчали эти бабушки, вспоминая свои юные дни.

Узоры выполнялись разнаго рода вышивкой, а также набойкой, т. е. печатаньемъ съ особыхъ набоечныхъ досокъ, производившимся специальными красильщиками.

Содержаніе самаго узора было самое разнообразное. Былъ онъ звѣриный и фигурный, растительный и геометрический.

Въ звѣриномъ и фигурномъ узорѣ самыя излюбленныя очертанія — птицы и всадники. Нѣсколько рѣже — разныя звѣри.

Птицы, все болѣе фантастическія, очень сильно орнаментированныя. Наиболѣе пышнымъ узоромъ считалась «пава-птица», иногда чрезмѣрно удлиненная, съ громаднымъ древовиднымъ хвостомъ.

Дѣлали и двуглаваго орла, который вышивался на всевозможныя варіаціи; онъ часто терялъ свои опредѣленныя формы, принимая, въ своей переходной стадіи, видъ оригинальнаго узора съ элементами и животнаго и растительнаго орнамента.

Всадники тоже бывали самыя разнообразныя. Конь играетъ въ нихъ большую роль, чѣмъ подобіе человѣка, сидящаго на немъ; поэтому и разрядъ этихъ узоровъ чаще всего носитъ названіе «кони»; иногда этотъ человѣчекъ постепенно превращается либо въ какой-то странный стоячій придатокъ, либо въ растеніе.

Звѣрье бываетъ тоже очень разнообразное: «левъ-звѣрь», «медвѣди», «олени» и др.; только былъ бы тщетный трудъ отыскивать въ этихъ узорахъ сходство съ упомянутымъ звѣремъ: всѣ звѣри характера самаго фантастическаго; на хвостахъ часто нанизаны птички, изъ спинъ растутъ цвѣты и т. д.

Нѣкоторые животныя узоры, по своему очертанію и происхожденію, указываютъ на самую глубокую и отдаленную древность.

Когда всѣ эти узоры были живы, то у каждаго изъ нихъ было свое названіе. Теперь все забыто. Каждое названіе обнимало извѣстный типъ, имѣвшій безконечное количество варіантовъ.

Растительный орнаментъ такъ же далекъ отъ дѣйствительности, какъ и животный. Вообще, въ народномъ орнаментѣ не чувствуется особаго желанія изображенія того, что встрѣчается въ обыденной жизни. Русскій сѣверянинъ искалъ свое вдохновеніе въ сказочныхъ мечтахъ о далекихъ невѣдомыхъ царствахъ съ ихъ необычайными деревьями, птицами и звѣрями, и отгороженный дремучими лѣсами отъ прочаго міра, онъ всецѣло предавался народному творчеству въ тихіе и долгіе зимніе вечера; а потомъ, когда лѣса порѣдѣли, передъ нимъ вознесся

**Къ статѣ И. Я. БИЛИБИНА:
«НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО СѢВЕРА»**

«Клѣтская» часовня въ Гапсельгѣ Повѣнецк. у. Олонецк. губ.

Церковь въ Усть-Паденьгѣ Шенкурск. у., Арханг. губ.

Кижи. Погостъ Олонецк. губ. Петрозаводск. у.

Изба Олонецк. губ.

миражъ г о р о д а, и «пава-птица» отлетѣла навсегда и безвозвратно.

Русское народное творчество было необъятно. Какъ и всюду во всѣхъ странахъ, оно умираетъ при развитіи общей цивилизаціи. Фабрики и желѣзныя дороги не уживаются вмѣстѣ съ этой самой «Павой-птицей», и теперь ее можно увидѣть за стеклами музейныхъ витринъ. Массовое безличное народное творчество смѣняется творчествомъ индивидуальнымъ, личнымъ, а лѣса Русскаго Сѣвера дали возможность «Павѣ-Птицѣ» посидѣть подольше на своихъ родныхъ мѣстахъ.

И. Билибинъ.

РУССКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

Въ циклѣ русскихъ историческихъ народныхъ пѣсень, свободно откликавшихся на всѣ значительныя событія русской исторической жизни, не малое мѣсто удѣлено Петру Великому.

Всю тяжесть рѣзкой перемѣны государственнаго уклада, черновое, порою изнурявшее народъ, строительство, непрерывные петровскіе походы — народъ вынесъ на собственныхъ плечахъ и отразилъ въ своемъ словѣ.

Тѣмъ не менѣе, русская историческая пѣсня, одаренная мудрымъ чутьемъ справедливости, оказалась на сторонѣ Петра, царя-строителя и неутомимаго работника. Ни жестокія картины расправы со стрѣльцами, ни подчасъ невыносимая царева служба не заслонили основныхъ чертъ облика Петра: первый въ трудѣ, первый въ ратномъ подвигѣ и опасности, — ничего для себя, все для родины, для ея славы и процвѣтанія. Всѣ его труды и дѣла протекали на глазахъ у всѣхъ — отъ заботы о посадкѣ жолудей подъ Таганрогомъ, до великихъ бранныхъ дѣлъ. А послѣдній, сведшій Петра въ могилу, столь близкій народной душѣ подвигъ (спасая на Петербургскомъ взморьѣ тонувшихъ въ бурю солдатъ, простудился, слегъ и умеръ) — не о немъ-ли вспомнилъ, стоявшій у его гроба молодой солдатъ, когда плакалъ, разливался рѣкой, поминая «полковника преображенскаго, капитана бомбардирскаго»?

Затѣйливая, словно переливающаяся словесной парчей, пѣсня-сказаніе «Рожденіе Петра» вся исполнена свѣтлой радости и ликованія. Такія пѣсни слагались нелицепріятной памятью народной лишь о тѣхъ, кого любили, прощая имъ суровый нравъ и тяжелую хозяйскую руку.

Печатаемые въ этомъ сборникѣ образцы русскихъ народныхъ пѣсень о Петрѣ, помимо своего историческаго значенія, являются прекрасными образцами народнаго творчества.

Какъ народное зодчество и обиходное кустарное искусство (см. статью И. Я. Билибина), какъ народные напѣвы, такъ и художественное слово — народная русская лирика — образуютъ единый кругъ безцѣнной Русской Красоты. Изъ быта она давно ушла, но для каждаго чуткихъ глазъ и ушей воскресаетъ вновь и вновь.

Прикоснуться къ истокамъ этой крѣпкой и выразительной, родной и самобытной красоты, къ совершеннымъ достиженіямъ народнаго духа, всегда радостно и любо и намъ взрослымъ и идущимъ за нами молодымъ, подрастающимъ: ибо ничто такъ полно не утолитъ русскую жажду здѣсь на чужбинѣ.

А. Ч.

РОЖДЕНИЕ ПЕТРА

Ужъ какъ свѣтель, радостень во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ ему Богъ царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе, какъ плотники мастера
Во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали,
По бѣлому рытому бархату они всѣ распуцались;
А и погреба царскіе они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи собиралися, бояра съѣзжались и дворяне сходилися,
А все народъ божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, —
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младого царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора.

ИЗЪ ПѢСНИ «ПОЛТАВСКОЕ ДѢЛО»

... Какъ подъ славнымъ городомъ, подъ Полтавой,
Тутъ стоялъ - постоялъ король Шведскій.
Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
— «Ахъ ты, батюшка, король земли Шведской!
— «Колько подъ городомъ ни стояти,
— «Намъ Полтавы города не взяти:
— «Во Полтавѣ есть Московская пѣхота,
— «Самъ царь - государь поспѣшаетъ,
— «Онъ со конницей, со драгунами,
— «Съ регулярной силой, со пѣхотой...»

... Подымалась Полтавская баталья.
 Запалить Шведская сила
 Изъ большого снаряда — изъ пушки;
 Запалить Московская сила
 Изъ мелкаго ружья — изъ мушкета.
 Не крупень чеснокъ разсыпался:
 Смѣшалася Шведская сила.
 Распахана Шведская пашня,
 Распахана солдатской бѣлой грудью;
 Орана Шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена Шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью.

(Шенкурскъ, Архангельской г.)

БѢГЛЫЙ СОЛДАТЪ

Какъ за рѣчушкой за Невагою,
 За другой рѣчушкой Переправую,
 За третьей за большой дороженькою
 Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
 Не дубровушка разшаталася:
 Разшатался удалъ-добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, человѣкъ бѣдный,
 Человѣкъ бѣдный, солдатъ бѣглый.
 Онъ ни самъ пошелъ, ни своею охотою:
 Довела то его нужда крайняя,
 Нужда крайняя, служба царская,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ КОНЧАЕТСЯ

Во славномъ городѣ, во Сан-питерѣ
 Стояли палаты бѣлокаменные,
 Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
 Состроена тутъ кроватушка тесовая,

На кроватушкѣ изголовьице точеное,
 Точеное, позолоченое,
 На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
 Шелковыя и парчевыя,
 На подушкахъ одѣяло соболиное
 Того соболя Сибирскаго,
 Подъ одѣялечкомъ лежить удалый - добрый молодецъ,
 Удалъ - добрый молодецъ, нашъ православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
 Передъ нимъ стоять всѣ князья-бояре,
 Всѣ старшіе фельдмаршалы .
 Возговорятъ всѣ князья - бояре,
 Всѣ старшіе фельдмаршалы:
 « Тебѣ, видно, худо можется,
 « Худо можется, конецъ близится.
 « На кого ты свое царство приказываешь,
 « На кого ты свое государство отказываешь?
 « Кому у насъ будетъ сенать судить,
 « Кому у насъ владѣть каменной Москвой,
 « Каменной Москвой, всей Россіею?» »
 Какъ не золотая трубочка вострубила,
 Какъ не серебряная сиповочка возыграла,
 А возговорилъ нашъ батюшка православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
 — Сенать судить вамъ, князьямъ - боярамъ,
 — Каменна Москва и Россія вся моею государынѣ. —
 Услыхала государыня,
 Изъ палатъ идетъ, — сама вопить:
 « Ой ты гой еси, мой милъ - сердечный другъ,
 « Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 « На кого ты свое царство приказываешь,
 « На кого ты свое государство отказываешь?»
 Не золота трубочка вострубила,
 Не серебряная сиповочка возыграла,
 Ань возговорить нашъ православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
 — Сенать судить князьямъ - боярамъ,
 — Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
 — Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
 — Каменная Москва и Россія вся.

ПЛАЧЬ ВОЙСКА

Ахъ ты батюшка, свѣтель мѣсяць!
 Что ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Закрываешься тучей темною?
 Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у крылоса,
 У гробницы государевой,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
 Стоючи онъ призадумался,
 Призадумавшись, онъ плакать сталъ,
 И онъ плачетъ, — что рѣка льется,
 Возрыдаетъ — что ручьи текутъ,
 Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
 «Ахъ ты, матушка, сыра земля,
 «Разступись ты на всѣ стороны,
 «Ты раскройся, гробова доска,
 «Развернись ты золота парча,
 «И ты встань - проснись, православный царь,
 «Посмотри на всю армію:
 «Что всѣ полки во строю стоятъ,
 «И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
 «Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ.
 «Капитаны передъ ротами,
 «Офицеры передъ взводами,
 «А прапорщики подъ знаменами, —
 «Дожидаютъ они полковничка,
 «Что полковничка Преображенскаго,
 «Капитана бомбардирскаго*)».

Боровск. у. Калужск. г.)

---

*) Т. е. Петра I-го.

Н. В. ГОГОЛЬ

Имя Гоголя дорого и близко каждому русскому человеку, какъ имя великаго писателя, создавшаго незабываемые и, увы, — все еще очень реальные образы Чичикова, Ноздрева, Собакевича, Хлестакова и многих другихъ его «героевъ». Съ изумительной художественной прозорливостью Гоголь разглядѣлъ въ русской жизни своихъ героевъ и зарисовалъ ихъ съ такой яркостью и опредѣленностью, что узнавши ихъ нельзя ихъ забыть, смѣшать съ кѣмъ либо другимъ. Въ одной ли впрочемъ Россіи жили и живутъ Чичиковы, Ноздревы и т. д.? Конечно, нѣтъ: это міровые, общечеловѣческіе типы. Они, конечно, и наши, до конца, до самой глубины своей національны, и не только въ языкѣ, во внѣшнихъ ихъ чертахъ, но и въ самомъ складѣ ихъ души и въ формахъ обнаруженія ихъ внутренняго міра. Но та пошлость, которую съ непревзойденнымъ мастерствомъ раскрываетъ Гоголь въ своихъ герояхъ, выходитъ далеко за предѣлы Россіи, — она имѣетъ общечеловѣческій характеръ.

Тема о пошлости есть главная тема Гоголевскаго творчества. Рисуетъ ли онъ захолустную русскую жизнь въ повѣсти «Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», рисуетъ ли онъ однообразную жизнь «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» или выводитъ въ «Шинели» Акакія Акакіевича, поручика Пирогова («Невскій Проспектъ»), встаетъ ли передъ вами вся галлерея лицъ, выведенныхъ въ «Мертвыхъ Душахъ», всюду вниманіе автора, а затѣмъ и читателя на-

правлено на пошлость этих людей. Эстетическое отталкивание от них сообщает творчеству Гоголя отблеск горечи и боли, хотя на поверхности выступает только комическая сторона въ нихъ. Струя комизма была необычайно сильна у Гоголя, ею пронизаны всѣ его произведенія, но смѣхъ Гоголя отравленъ глубокой горечью и скорбью. Когда вы читаете повѣсть «Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ» и не можете удержаться отъ смѣха, а затѣмъ, кончая повѣсть, доходите до заключительнаго аккорда: «Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!», щемлящее чувство сжимаетъ вашу душу. Смѣхъ, которымъ заражалъ васъ Гоголь, отравляется этой болью. Извѣстенъ рассказъ о томъ, какъ Пушкинъ слушалъ первую главу «Мертвыхъ Душъ». Сначала онъ безудержно хохоталъ, но чѣмъ дальше шло чтеніе Гоголя, тѣмъ слабѣе становился его смѣхъ, лицо его все болѣе омрачалось, и онъ воскликнулъ подъ конецъ: «Боже, какъ грустна наша Россія». И какъ правильно то, что на памятникѣ на могилѣ Гоголя написаны слова: «горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюсь»...

Самъ Гоголь хорошо сознавалъ особенность и смыслъ своего смѣха, — онъ самъ сказалъ, что за видимымъ смѣхомъ льются невидимыя слезы — и это относится не только къ нему, но относится и къ читателю. Тѣмъ и дорогъ и никѣмъ не замѣнимъ въ единственности своего горькаго смѣха Гоголь, что подлинный, заражающій своей силой комизмъ внутренно связанъ съ иными движеніями въ нашей душѣ — серьезными и скорбными. Нѣтъ зубоскальства у Гоголя, нѣтъ и простодушнаго хохота, смѣхъ у него есть художественный п р і е мъ, и даже больше: смѣхъ для Гоголя такъ же глубокъ въ томъ, какъ онъ, шутя и легко раскрываетъ пошлость и низость у людей, какъ глубокъ онъ и въ томъ, в о и м я ч е г о онъ дѣлаетъ это.

Это не смѣхъ для смѣха, это не забава, не веселье и шутка — въ глубинѣ его скрыта боль о томъ, чѣмъ становятся люди въ своей жизни. И не только эстетически отвратительна и невыносима пошлость, — не только красоты и тонкости ищетъ художникъ — онъ ищетъ того, чтобы люди стали достойными великаго и глубокаго дара, какимъ является наша жизнь. Будучи съ дѣтства религіознымъ, Гоголь переживаетъ на 25-27 году своей жизни глубокой религіозный кризисъ, суть котораго заключается въ напряженномъ и всецѣломъ устремленіи къ Богу. Въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ Гоголь остается почти совершенно одинокомъ: его не понимаютъ не только тѣ, кто былъ равнодушенъ къ религіи, но и тѣ, кто былъ религіознымъ; причина этого одиночества заключается въ остротѣ и гениальной чуткости Гоголя. Изъ мукъ Гоголя,

изъ его крестнаго пути родилось въ послѣдствіи творчество Достоевскаго, а еще позже развилось то религіозное движеніе въ русской интеллигенціи, которое въ самомъ началѣ XX вѣка стало замѣтнымъ фактомъ русской жизни, а нынѣ, послѣ великой трагедіи русской жизни, охватило очень значительные круги русскаго общества. Но въ свое время Гоголь былъ совершенно одинокъ, онъ одинъ за всѣхъ болѣлъ той страшной, трагической отдѣленностью жизни отъ Церкви, которая составляетъ главную причину всѣхъ историческихъ трудностей новаго времени.

Гоголь глубоко пережилъ эту роковую отдѣленность жизни отъ Церкви, онъ глубоко понималъ, что лишь въ новомъ сближеніи жизни и Церкви лежитъ спасеніе наше. И чѣмъ глубже онъ чувствовалъ это, тѣмъ рѣзче и отчетливѣе выступала передъ ними вся великая неправда нашей жизни съ ея лихорадочной устремленностью къ матеріальнымъ благамъ, съ ея страстями, мелочностью, низостью, обманомъ. Не только гадко, смѣшно все это, — отвратительно все это потому, что пошло, что мельчаетъ, пустѣетъ человѣкъ, что то глубокое, святое, что живетъ гдѣ-то въ душѣ, оказывается ненужнымъ, затоптаннымъ. За чечевичную похлебку продаемъ мы свое первородство, за мелочи и ничтожныя удобства, за минутныя радости и двусмысленныя наслажденія отбрасываемъ доброе, вѣчное, что есть въ насъ... И оттого сквозь видимый міру смѣхъ льются у Гоголя невидимыя слезы о мірѣ...

Въ исканіяхъ правды Гоголь подошелъ подъ конецъ къ самому трудному для себя вопросу. Вотъ онъ сильно и ярко осмѣиваетъ пошлость людскую и тѣмъ освобождаетъ насъ отъ нея, — но не является ли само искусство, хотя оно и стремится преодолѣть пошлость нашей жизни и подняться надъ ней, не является ли оно само частью этого міра? Не служить ли оно само нашей утѣхѣ и забавѣ? Прочитавъ ту или иную повѣсть, комедію, насладившись и напивавшись отъ нея, не превращаемъ ли мы, читатели, самое искусство въ пошлость? Художникъ горитъ своей душой, ищетъ правды и красоты, ищетъ преображенія жизни, и льются изъ подъ пера художника дивныя рѣчи, которыя вонзаются въ наше сердце, волнуютъ, тревожатъ его. Величайшіе гении, величайшіе мастера искусства благоговѣнно чтутся нами, но отдавъ имъ дань благоговѣнія, мы все же по прежнему живемъ той же жизнью и тѣмъ же пошлымъ искусствомъ, которое остается гениальной игрой и не больше. Если смыслъ художественнаго творчества только въ томъ, чтобы дать намъ художественное наслажденіе, то оно лишается своего глубочайшаго начала. Художникъ тоскуетъ объ идеа-

лѣ — и превратить эту тоску въ тему художественнаго любованія не значить ли это посмѣяться надъ самымъ завѣтнымъ, что одушевляетъ художника?

Всѣ эти сомнѣнія глубоко волновали Гоголя и онъ съ трудомъ могъ справиться съ ними. Онъ не переставалъ писать, онъ закончилъ 2-ой томъ «Мертвыхъ Душъ», который, по отзыву лицъ, слышавшихъ его въ чтеніи автора, былъ художественно еще выше, чѣмъ первый томъ. Гений Гоголя несъ міру свой даръ, а душа его была отравлена мучительнѣйшимъ сомнѣніемъ о насъ читателей, о самой нашей жизни, такой мелкой, убогой, пошлой. Если бы могъ вѣрить Гоголь, что хоть въ одной душѣ страстная его тоска о преображеніи жизни можетъ вызвать отвѣтный огонь — не минутный энтузіазмъ, а глубокій порывъ къ иной жизни, если бы могъ онъ вѣрить въ это, ему было бы легче. Но сомнѣнія въ насъ, въ жизни нашей слишкомъ его давили. Не выдержала душа Гоголя этого давленія, и въ одинъ роковой вечеръ, въ мукѣ и боли, сжегъ Гоголь всю свою рукопись. Дивныя страницы погибли навсегда, безвозвратно; душа Гоголя такъ надломилась, что онъ не могъ уже больше жить и черезъ 9 дней скончался. Міръ сталъ для него чужимъ, послѣ того, какъ онъ принесъ въ жертву все, что имѣлъ...

Какой единственный и трагическій образъ даетъ намъ жизнь Гоголя, съ его несравненнымъ художественнымъ даромъ и съ его томленіемъ о правдѣ и о преображеніи жизни! Не понять намъ Россіи, ея пути, ея исканій, ея трагедіи, если не поймемъ мы тайну крестнаго пути Гоголя, муку души его. Много даровъ дано Россіи, много силы дано ей, но велика и неустроенность ея, великъ хаосъ въ душѣ Россіи. Какъ нѣкогда сжегъ свое лучшее произведеніе Гоголь, такъ сожгла Россія свое бывшее, похоронила свою мощь, свою силу, распяла самое себя. Путь Россіи — крестный путь. Но міръ послѣ Голгофы, послѣ крестнаго пути Христа узрѣлъ Его воскресеніе. И стоимъ и мы нынѣ въ итогѣ нашей Голгофы передъ нашимъ воскресеніемъ — и не можетъ не вѣрить наша душа, что воскресеніе Россіи въ правдѣ и силѣ уже близко. И когда придетъ оно, когда настанетъ наша русская Пасха, еще ближе, роднѣе станетъ намъ тотъ, кто такъ горько болѣлъ неправдой былой Россіи и такъ жертвенно отдалъ лучшее, что у него было, лишь бы не послужить пошлости, но пробудить насъ къ духовному воскресенію.

В. В. Зѣньковский.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

Геній каждой націи воплощаетъ въ себѣ и выявляетъ для всего міра душу своего народа, своей страны, своей природы, своей земли, своихъ небесъ. Толстой — это вся Россія, весь русскій характеръ, вся русская судьба... Правда, въ индивидуальномъ, единственномъ преломленіи, но въ такомъ, которое, подобно алмазу, собираетъ всѣ лучи спектра и излучаетъ ихъ во всѣ стороны, во всемъ многообразіи. Черезъ Толстого, болѣе чѣмъ черезъ Пушкина, Гоголя, или даже Достоевскаго, — весь міръ научился понимать и слышать голосъ русской души, русской совѣсти. Безъ Толстого и намъ было бы трудно созерцать и понимать свою противорѣчивую, жадную къ жизни, отрѣшенно-религіозную и мятежную душу. Можно ли безъ Толстого вспоминать, представлять и любить русское дѣтство, русскую влюбленность, русскій героизмъ, русское раскаяніе, русскую стыдливость души, русское умѣніе умирать и русскую стихійную любовь къ землѣ? И не свою только жизнь мы понимаемъ и созерцаемъ черезъ него; можно сказать, что его жизнь, его образы — стали нашей жизнью: искусство снимаетъ раздѣленіе между «моимъ» и «твоимъ»; его «Дѣтство и отрочество» мы однажды приняли въ свое сердце и навсегда оно слилось съ нашимъ дѣтствомъ и отрочествомъ. И точно такъ же принимается къ сердцу вся жизнь и вся судьба его героевъ. Онъ не ставитъ своихъ героевъ на разстояніе, не дѣлаетъ ихъ предметомъ ироніи, анализа, различныхъ психологическихъ экспериментовъ, онъ ихъ творитъ, животворитъ, и сразу вводитъ въ наше сердце и мы ихъ любимъ, какъ самихъ себя, любимъ за это богатство реальности, за этотъ трепетъ жизни, любимъ за то, что наша жизнь въ нихъ и съ ними расширяется и становится богаче.

Въ этомъ особенность Толстого — въ стихійномъ реализмѣ, рожденномъ любовью къ бытію. Въ искусствѣ разсказа, пожалуй, нѣтъ равнаго Толстому — не въ смыслѣ красоты образовъ, языка, ума, а въ смыслѣ стихійной способности порождать осязаемую реальность, ее любить и дѣлать любимой. Вотъ почему, если мы любимъ Россію и хотимъ быть въ Россіи, если мы хотимъ вспомнить Россію и познать ее — мы должны читать Толстого: мы услышимъ запахъ деревень, крестьянскую рѣчь, почувствуемъ дыханіе русской земли, вмѣстѣ съ охотничьей собакой почуемъ испаренія родныхъ болотъ. Пусть намъ не говорятъ, что она уже не существуетъ — Россія Толстого, что она исчезла — дворянская, графская, помѣщичья Россія. Если бы это было такъ, совѣтская Россія не предпочитала бы Толстого всѣмъ своимъ коммунистическимъ бытописателямъ, какъ объ этомъ свидѣтель-

ствуютъ всѣ коммунистическія бібліотеки. Толстой гораздо болѣе живучъ, чѣмъ коммунизмъ, ибо онъ есть русская душа, русская земля, русская стихія. Коммунизмъ есть навозъ, который перерабатывается русской землей, перегораетъ въ ней, а Толстой — это всепобѣждающая сила русской жизненной стихіи, сила русской земли, это Илья Муромецъ русской литературы.

Въ наше время господствуетъ убѣжденіе, и особенно среди русскихъ, что другая — учительская, «пророческая» сторона въ творчествѣ Толстого есть періодъ паденія, есть ошибка, отступленіе отъ истиннаго художественнаго призванія. Тургеневъ въ своемъ знаменитомъ послѣднемъ письмѣ къ Толстому умолялъ его «вернуться къ литературѣ». Въ этомъ мнѣніи есть много вѣрнаго, ибо въ искусствѣ своемъ Толстой дѣйствительно неуязвимъ, а въ пророчествахъ своихъ весьма уязвимъ: нѣтъ ничего легче, какъ разбивать толстовство, разбивать тѣ рѣшенія, при помощи которыхъ Толстой хотѣлъ выйти изъ трагизма современной социальной и религіозной проблемы; но разбить рѣшеніе — не значитъ уничтожить задачу; напр., разбить коммунизмъ — не значитъ уничтожить социальный вопросъ. Сила Толстого — въ постановкѣ проблемъ, которыя предстоитъ въ ближайшемъ и въ дальнѣйшемъ будущемъ рѣшать человѣчеству и, въ частности, Россіи. Онъ вѣрно ихъ предвидѣлъ, предсказалъ и поставилъ, а, главное, — онъ поставилъ ихъ, какъ трагическія проблемы совѣсти современнаго человѣка съ тою силою проникновенія, которая даетъ власть «глаголомъ жечь сердца людей».

У насъ въ Россіи принято было вѣнчать Толстого лаврами, какъ художника, и побивать камнями, какъ пророка. Но геній и лжепророчество «двѣ вещи несовмѣстимыя». И Толстой популяренъ во всемъ мірѣ именно своими «лжепророчествами». Не настало ли для насъ русскихъ время реабилитаціи Толстого?

Каждый студентъ юридическаго факультета умѣлъ опровергать «непротивленіе злу насиліемъ» и во всѣхъ курсахъ государственнаго права фигурировалъ для оправданія государства соловьевскій «злодѣй, насилующій ребенка». Неужели Толстой не понималъ, что хорошо и похвально спасти ребенка отъ злодѣя при помощи государства? Но онъ предвидѣлъ, что государство займется не только этимъ, не только борьбой съ индивидуальными преступленіями, а вступить неизбежно на противоположный путь, на путь совершенія **с о ц і а л ь н ы хъ преступленій**. Мысль Толстого состоитъ вотъ въ чемъ: самое страшное зло, имѣвшее мѣсто въ исторіи, и зло, которому предстоитъ

въ будущемъ возрастать, заключается не въ отдѣльныхъ злодѣяхъ, не въ уголовныхъ преступникахъ, нарушающихъ законъ, могущихъ раскаяться и почти всегда сознающихъ себя преступниками; нѣтъ, гораздо страшнѣе зло, совершаемое въ формѣ социальна организованной, совершаемое именемъ закона» (*au nom de la loi*), зло, совершенное безнаказанное, болѣе того, считающее себя оправданнымъ, воображающее себя добромъ. Самыя страшныя преступленія, совершенныя на землѣ, были совершены не уголовными преступниками: Сократъ былъ отравленъ не злодѣемъ, и Христосъ былъ распятъ не разбойниками; эти дѣянія были совершены именемъ закона («мы имѣемъ законъ и по закону нашему онъ долженъ умереть»). Государство не могло ихъ защитить, какъ этого требовало бы «оправданіе государства», просто потому, что это оно ихъ убило. Соціальное преступленіе можетъ принимать различныя формы — формы войны, формы монархической и революціонной тираніи (опричнина и конвентъ), но сущность его остается той же: оно совершается властью, оно облекается въ форму закона, оно оправдываетъ себя тѣмъ, что борется со зломъ насиліемъ.

Поставить такую трагическую проблему передъ міровой войной, передъ русской революціей, передъ коммунистической опричниной и инквизиціей — значить воистину обладать пророческимъ даромъ. Коммунистическое государство съ невѣроятной силой выявило ту антихристіанскую природу этатизма, ту природу «холоднаго чудовища», которое поразило Толстого и преступленіе котораго онъ предвидѣлъ.

Великій художникъ, надѣленный пророческимъ даромъ, не рѣшаетъ, а ставитъ трагическія проблемы, тѣ, которыя предстоитъ рѣшать грядущимъ поколѣніямъ. Но люди толпы не любятъ ничего нерѣшеннаго и прежде всего хватаются за рѣшеніе. Такъ было и съ толстовцами. Толстой оказался имъ не по плечу и они урѣзали и упростили его могучую трагически-противорѣчивую индивидуальность. Среди церковныхъ людей существуетъ легенда, что Толстой передъ смертью, уходя отъ своей предшествующей жизни, шелъ къ церкви, шелъ въ Оптиную Пустынь, но только толстовцы его не пустили. Въ этой легендѣ, независимо отъ ея фактической невѣрности, есть глубокий символическій смыслъ. Часто учитель оказывается въ плѣну у своихъ учениковъ. И такой чуткій художникъ и дерзновенный искатель едва ли могъ не видѣть духовной бѣдности, сектантской узости, эстетической пошлости своихъ толстовцевъ. Остается неизвѣстнымъ, отъ кого Толстой бѣжалъ: отъ своего дома, или отъ своего сектантскаго окруженія.

Б. Вышеславцевъ.

Н. А. РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ

Ровно двадцать лѣтъ назадъ — въ іюнѣ 1908 года — весь культурный Петербургъ шелъ за гробомъ композитора Николая Андреевича Римскаго-Корсакова, провожая его на мѣсто вѣчнаго упокоенія въ Новодѣвичій Монастырь... *).

И не только Петербургъ. Вся мыслящая Россія погрузилась тогда въ печаль и трауръ. Всѣмъ было ясно, что умеръ не только замѣчательный композиторъ, но и замѣчательный гражданинъ, одинъ изъ великихъ сыновъ своей родины, а съ нимъ вмѣстѣ навсегда закрылась одна изъ самыхъ значительныхъ страницъ въ исторіи русскаго духа...

Случалось ли вамъ задумываться надъ тѣмъ, что музыка, какъ явленіе (на первый взглядъ удѣлъ немногихъ счастливыхъ избранныхъ), можетъ пріобрѣтать и широкое общественное значеніе, отзываться на вѣянія времени и, вообще, ставить передъ собой и не одни только чисто музыкальныя задачи?..

Вся кипучая, огромная и въ высшей степени плодотворная дѣятельность Н. А. тому примѣромъ.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ волной общественнаго движенія (народничество, славянофильство и пр.) въ Петербургѣ группа молодыхъ и горячихъ музыкантовъ, учениковъ М. А. Балакирева (а именно: Ц. А. Кюи, А. П. Бородинъ, М. П. Мусоргскій и молодой морской офицеръ Н. А. Римскій-Корсаковъ, которому было тогда 20 съ небольшимъ лѣтъ) осмѣлилась и съ своей стороны объявить походъ «противъ теченія».

Она рѣзко поставила передъ собой и передъ старшими представителями музыки въ Россіи (Антонъ Рубинштейнъ, Лярошъ, Фаминцынъ, Стровъ, Ростиславъ и др.) слѣдующіе вопросы:

— Неужели музыка это — только итальянская опера, или Мейерберъ, или ужъ сразу... Вагнеръ?..

— Неужели музыкѣ присуща только «красивость» или блескъ, а ея содержаніе не можетъ быть инымъ, — болѣе близкимъ, роднымъ, понятнымъ?...

---

*) Р.-К. скончался 8 (21) іюня 1908 года

— Неужели музыка, какъ и всякое другое искусство, не должна изображать и отражать окружающаго?..

— Въ частности, неужели музыка не можетъ быть русской?..

— Существуетъ ли, наконецъ, и имѣетъ ли право на существованіе именно Русская Музыка?... и т. д.

И вотъ въ то время, какъ старшее поколѣніе музыкантовъ отнеслось къ подобнымъ вопросамъ отрицательно, и даже съ ироніей, — молодая группа, «кучка» («могучая кучка», какъ сами себя называли ея сочленны) рѣзко рѣшила все въ положительную сторону, порвала съ «отцами», и принялась доказывать, что —

— Музыка не только можетъ, но и должна быть отраженіемъ и изображеніемъ окружающей дѣйствительности. Она должна быть правдивой!..

— И есть этому уже и примѣры!.. И находятся они именно у насъ въ Россіи!.. И Русская Музыка существуетъ и имѣетъ даже гениальныхъ представителей — Глинку и Даргомыжскаго.

— Пусть мы учимся на западныхъ образцахъ, на классикахъ, — это необходимо! Это даетъ намъ музыкальный языкъ и вообще средства музыкальнаго выраженія, — но мы — русскіе люди, мы должны вложить въ музыку нашъ русскій духъ и русскую душу. А слѣдуя завѣтамъ Глинки и Даргомыжскаго, мы обязаны обосновать музыкальное творчество на народной основѣ, ибо «русское» и Россія это — народъ....

Таковы приблизительно были взгляды молодыхъ энтузіастовъ — «кучкистовъ».

Всѣ мы давно знаемъ, что красивыхъ фразъ въ Россіи всегда было болѣе, чѣмъ достаточно, и потому весьма возможно, что и «кучкисты» такъ и остались бы со своими фразами, если бы.... если бы среди нихъ не было Н. А. Римскаго-Корсакова.

Со всею горячностью и честностью молодого идеалиста-патріота Н. А. въ примѣръ другимъ началъ не говорить, а дѣйствовать.

Ему помогли случайныя благоприятныя обстоятельства его дѣтства. Онъ родился (6 марта 1844 года) въ помѣщицкой семьѣ въ захолустномъ городѣ Тихвинѣ Новгородской губерніи. Прожилъ онъ тамъ до 12 лѣтъ и съ самыхъ раннихъ поръ могъ близко наблюдать народную жизнь, обычаи и въ особенности слушать народные пѣсни.

Какъ извѣстно, русскій народъ отличается необычайной пѣвучестью. Въ особенности поразительно искусство русскихъ пѣть не на

одинъ, а на нѣсколько голосовъ (два и три голоса это уже непременно, но иногда 6 и даже 8 голосовъ), при чемъ каждый побочный голосъ («подголосокъ») соперничаетъ съ мелодіей и настолько, что порою не разберешь, что — красивѣе, — мелодія или «подголоски».

Такъ вотъ Римскій-Корсаковъ съ дѣтства слушалъ «на корню» народное многогласіе, увлекался имъ, изучалъ его и ему подражалъ.

Его учили музыкѣ (ф.-п.) съ 6 лѣтъ, а въ 9 лѣтъ онъ уже сочинялъ и отзывался въ этихъ сочиненіяхъ на то, что слышалъ кругомъ.

Естественно, что, сдѣлавшись идейнымъ «кучкистомъ», Р.-К. прежде всего обратилъ вниманіе на народную пѣсню, сталъ собирать и обрабатывать родныя пѣсни.

Въ результатѣ въ 70-хъ годахъ появился одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ его — «Сборникъ Народныхъ Пѣсень», — до сихъ поръ постоянная настольная и справочная книга всѣхъ, кто изучаетъ народное творчество.

Наряду съ этимъ Н. А. хорошо понималъ, что наиболѣе совершенная форма музыки это — оркестръ и что безъ основательнаго знакомства съ приемами большой оркестровой музыки, въ сущности, ничего сдѣлать нельзя. И потому онъ, будучи уже образованнымъ музыкантомъ (его симфонія № 1-й исполнялась публично, когда ему былъ 21 годъ отъ роду), рѣшился на критическій пересмотръ своего музыкальнаго образованія по западно-европейскимъ образцамъ (изучая главнымъ образомъ Берліоза, Листа и Вагнера).

Въ 27 лѣтъ онъ сталъ профессоромъ инструментовки и композиціи Спб. Консерваторіи, а въ 29 лѣтъ разстался навсегда съ морской службой, отдавшись всецѣло любимому дѣлу и идеѣ своеобразнаго служенія родинѣ.

Римскій-Корсаковъ работалъ буквально день и ночь, опередилъ своихъ товарищей, (которымъ онъ всячески помогалъ), опередилъ и учителей, и, въ свою очередь, создалъ цѣлую плеяду учениковъ и послѣдователей *) и, въ концѣ концовъ, развернувшись во весь ростъ и стяжавъ себѣ міровую славу, оставилъ громадное количество музыкальныхъ сочиненій одно интереснѣе другого.

Здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, немислимо не только проанализировать, но даже и перечислить всѣхъ произведеній Римскаго-Корсакова.

---

*) Аренскій, Глазуновъ, Лядовъ, Гречаниновъ, Черепнинъ, Ипполитовъ-Ивановъ, Саккетти, Витоль, Беригардъ и др.

Однихъ оперныхъ произведеній у него около 15-ти *), т. е. больше, чѣмъ у Вагнера.

Отмѣтимъ лишь съ гордостью, что въ данное время творенія Римскаго-Корсакова не сходятъ со сцены и эстрады, какъ Старого, такъ и Новаго Свѣта и что имя его ставится рядомъ со всѣми столпами музыки міра.

Кромѣ того, безъ Римскаго-Корсакова не увидѣли бы свѣта ramпы оперы Мусоргскаго — ни «Борисъ Годуновъ» и «Хованщина», ни бородинскій «Князь Игорь», ни «Каменный Гость» Даргомыжскаго. Ихъ блестящая оркестровка принадлежитъ именно Римскому-Корсакову.

Намъ остается теперь напомнить и подчеркнуть основное, что лежитъ въ многогранномъ творествѣ этого удивительнаго человѣка.

Прежде всего, у Римскаго-Корсакова нѣтъ плохой музыки. Что бы онъ ни написалъ — оперу ли, симфонію ли, камерный ли ансамбль или романсъ и пр. — все всегда у него содержательно, полно мастерства, превосходно сдѣлано.

Во-вторыхъ, его творчество это не столько «музыка» (въ чистомъ видѣ), сколько образы Россіи, духъ Россіи, переведенные на музыку. Безъ всякихъ натяжекъ приходится говорить, что ни одинъ изслѣдователь духовной жизни Россіи не сможетъ пройти мимо произведеній Римскаго-Корсакова.

Римскій-Корсаковъ это — тончайшій наблюдатель и громадный художникъ-объективистъ. Картины и образы, имъ создаваемые, совершенно изумительны по яркости и красочности. Но его музыка никогда не отражаетъ его личныхъ настроеній. Въ этомъ смыслѣ Римскій-Корсаковъ никогда въ своей музыкѣ не говоритъ о себѣ (она — объективна).

Одной изъ самыхъ поразительныхъ его способностей является его исключительное умѣнье изображать и рисовать въ музыкѣ картины природы (очарованіе лѣтней ночи, морская тишь, море въ бурю, лѣсъ, степь, тишина, поле и пр.). Здѣсь онъ просто не имѣетъ соперниковъ.

Но едва ли не въ еще большей степени Римскій-Корсаковъ отда-

---

*) «Псковитянка» и прологъ къ ней «Боярыня Вѣра Шелога»; «Майская ночь»; «Снѣгурочка»; опера-балетъ «Млада»; «Ночь передъ Рождествомъ»; «Садко»; «Моцартъ и Сальери»; «Царская Невѣста»; «Сказка о Царѣ Салтанѣ»; «Сервилія»; «Кашей Безсмертный»; «Панъ Воевода»; «Золотой Пѣтушокъ» и «Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи».

ется русской фантастикѣ и русскому быту. Онъ воспиталъ себя на славянской мифологіи и въ ней больше всего тяготѣлъ къ искренней свѣтлой радости, къ культу солнца («Снѣгурочка»).

— А какъ онъ разсказываетъ!..

— Про что?... Да про что хотите!... Про старину, про богатыря, про «царя съ царицей», про бѣлку съ золотыми орѣхами, про звонъ Московскихъ колоколовъ, про морскихъ витязей, про Кашея, про битву при Керженцѣ, про Царя Ивана Грознаго, про Псковъ, про вѣче, про Шемаханскую царицу, — нѣтъ, кажется, ни одного сказочнаго или историческаго (исконно-русскаго) образа, о которомъ Римскій-Корсаковъ не спелъ бы причудливаго музыкальнаго сказа. Это — волшебникъ!.. Это — чудодѣй!.. Неподражаемый и увлекательнѣйшій «сказитель» — художникъ!...

А хотите — онъ васъ развеселить или насмѣшить... Да, еще какъ!! Вы помните фигуру Каленика или Головы или Винокура или безпашанное озорство парубковъ въ «Майской Ночи»?.. А полетъ шмеля, а дьяки въ «Царѣ Салтанѣ»?.. А «Ночь передъ Рождествомъ»?.. А скоморохи въ «Снѣгурочкѣ»? и т. д.

Намъ хотѣлось бы подчеркнуть еще двѣ стороны творчества Римскаго-Корсакова, вѣрнѣе — просто вспомнить два послѣднихъ (предсмертныхъ) его произведенія.

Въ первомъ изъ нихъ — опера «Золотой Пѣтушокъ» — Римскій-Корсаковъ, взявъ сюжетомъ незатѣйливую сказку Пушкина, возвышается до разработки глубокой символической трагедіи (кара смертью за несдержаніе обѣщанія).

Во второмъ — «Сказаніе о Невидимомъ Градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи» — Римскій-Корсаковъ идетъ двоякимъ путемъ: съ одной стороны развиваетъ сложную психологическую драму (безпутнаго Гришки Кутерьмы, впадающаго въ безуміе изъ-за грѣха предательства), а съ другой — доходитъ до созерцанія потусторонняго міра — исчезающаго подъ водой и ставшаго невидимымъ Града Китежа.

Оба этихъ послѣднихъ произведенія — не только лучшія изъ всего созданнаго Римскимъ-Корсаковымъ, но они являются едва ли не лучшими и единственными въ музыкально-сценической литературѣ вообще...

О Римскомъ - Корсаковѣ написано не мало трудовъ *). Нѣкоторые изъ нихъ переведены на иностранные языки.

Читайте же о немъ. Читайте и его самого (напр., его автобіографію — «Лѣтопись моей музыкальной жизни»).

Но главное, слушайте его музыку. Ищите случая послушать ее и приобщиться къ ней.

Ищите особенно здѣсь, — за-границей, — въ переживаемое нами тяжкое время оторванности отъ Родины.

Вы не только не раскаетесь, не только не пожалѣете о потраченномъ времени, но вы увидите въ его Музыкѣ Россію!..

А. Александровичъ.

---

*) Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Проф. В. В. Ястребцевъ. Н. А. Римскій-Корсаковъ. П. Финдейзенъ. Н. А. Римскій Корсаковъ. Проф. И. И. Лапшинъ. Философскіе мотивы въ музыкальномъ творествѣ Римскаго-Корсакова. Его же — Музыкальная лирика Римскаго-Корсакова. Н. Л. Соколовъ. Воспоминанія о Римскомъ-Корсаковѣ и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

Ив. Бунинъ. — Стихи	3
А. Купринъ. — Завирайка	4
Ив. Шмелевъ. — «Наполеонъ»	14
Алексѣй Ремизовъ. — Освобожденный	24
Мих. Осоргинъ. — Благословенные дни	29
В. Зензиновъ. — О гусѣ лапчатомъ	36
Александръ Яблоновскій. — На родинѣ Пушкина	45
А. Черный. — Ломоносовъ отрокъ	55

II

Георгій Флоровскій. — Русскій путь	63
И. Лаговскій. — Тихое солнце земли русской	67
Ив. Билибинъ. — Народное творчество сѣвера	73
Русскія историч. народ. пѣсни о Петрѣ Великомъ	82
В. В. Зѣньковскій. — Гоголь	88
Б. Вышеславцевъ. — Левъ Толстой	92
А. Д. Александровичъ. — Римскій Корсаковъ	96

---

*Портреты Ломоносова, Гоголя
и Толстого исполнены худ.*

А. Гефтеромъ.

Обложка работы худ.

Ф. Рожанковского.

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris.

